

**Шестая конференция-школа
«Проблемы языка: взгляд молодых
учёных»**

Сборник тезисов

12-14 марта 2018 г.

Институт языкознания РАН

Москва

Два оценочных предиката, управляющие одной пропозицией: семантика vs прагматика (на материале романских языков).

Ануфриев Александр Александрович, к.ф.н., н.с., Институт Языкознания РАН, Москва

Одним из основных средств выражения субъективной оценки в романских языках служат глаголы внутреннего состояния. Данные предикаты представляют различные оценочные модусы (эпистемический, аксиологический, волитивный и т.д.), выступая в роли пропозициональной установки в так называемых конструкциях с пропозициональным дополнением (*думаю/надеюсь, что...*). В зависимости от прагматических целей говорящий выбирает тот или иной предикат, стремясь наиболее точно выразить своё отношение к ситуации.

Нетривиальными, хотя и достаточно частотными являются случаи, когда говорящий выбирает не один, а несколько глаголов, описывая одну и ту же ситуацию (в данном случае мы рассматриваем лишь наиболее употребительную модель из двух предикатов типа *верю и надеюсь/предвижу и опасаясь, что...*), т.е. модальная рамка высказывания содержит различные пропозициональные установки, относящиеся к одной и той же пропозиции. В таких контекстах предикаты могут, как дублировать, так и дополнять семантику друг друга, описывая определённое сочетание внутренних состояний. При этом возможные варианты сочетаемости глагольных лексем друг с другом в узусе напрямую не вытекают из их лексикографического описания, а иногда и противоречат ему. Подробный анализ употребления подобных конструкций может выявить свойства исследуемых лексем, сближающие или противопоставляющие их друг другу.

Наряду с проблемой собственно сочетаемости глаголов друг с другом, имеет смысл рассматривать проблематику, связанную, во-первых, с употреблением наклонения в зависимой части высказывания (как правило, выбор того или иного пропозиционального предиката обуславливает употребление форм индикатива или конъюнктива глагола в придаточном предложении), во-вторых, с переводом таких конструкций на русский язык (часто их буквальный перевод выглядит искусственным, и представляется необходимым поиск семантических и стилистических эквивалентов).

Лексико-синтаксические особенности употребления древнеармянского глагола *aṛnel* ‘делать’

Аракелян Ирина Ашотовна, магистрант, СПбГУ, Санкт-Петербург

Доклад посвящен исследованию употреблений древнеармянского глагола *aṛnel* ‘делать’, который выражает семантику действия как такового, без уточнения его характера (глагол обобщенного действия). Подобно глаголам обобщенного действия во многих языках мира, наряду с данным значением, глагол *aṛnel* имеет и другие употребления, различающиеся по семантическим и синтаксическим характеристикам. В докладе будут рассмотрены следующие вопросы: 1) семантические типы употребления *aṛnel*; 2) синтаксические особенности употребления *aṛnel*; 3) анализ особенностей употребления *aṛnel* в типологической перспективе.

Основным источником о функционировании глаголов обобщенного действия в языках мира послужила статья Е. Шульце-Берндт [Schultze-Berndt 2008]. Классификация, предложенная Шульце-Берндт, была принята в качестве основы для систематизации зна-

чений *ar̄nel* в древнеармянском языке. При рассмотрении употреблений *ar̄nel* были использованы лексикографические справочники по древнеармянскому языку – главным образом, Б. О. Кюнцле [Künzle 1984]. Корпусом исследования является сплошная выборка контекстов с глаголом *ar̄nel* в тексте Четвероевангелия (340 вхождений).

На основании типов значений, выделяемых Е. Шульце-Берндт и другими исследователями (например, М. Итцес [Itzész 2016]), для древнеармянского постулируется наличие следующих типов (довольно распространенных типологически): 1) значение глагола обобщенного действия; 2) значение глагола активного действия ('делать X'); 3) значение созидания ('создавать X'); 4) факитивное значение ('сделать X как Y'); 5) каузативное значение ('заставить X делать Y'). В докладе будут рассмотрены вопросы об ограниченной сочетаемости глаголов активного действия с прямыми дополнениями и о фразеологическом характере таких сочетаний, а также о специфике факитивных и каузативных употреблений.

Литература

Schultze-Berndt 2008 – E. Schultze-Berndt. What do “do” verbs do? The semantic diversity of generalised action verbs // E. Verhoeven et al. Berlin: De Gruyter, 2008;

Künzle 1984 – B. O. Künzle. L'Évangile en arménien ancien, IIe partie: lexique. Berne, Frankfurt am Main, NY: P. Lang, 1984;

Itzész 2016 – M. Itzész. The Root *kr̄-* in Vedic // 15. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien: 2016. Handout.

Гендер автора академического текста

Астафьева Ирина Юрьевна, студент, НИУ ВШЭ, Москва; Глазунов Евгений Владимирович, студент, НИУ ВШЭ, Москва

Существуют исследования, изучающие маркеры гендера автора в различных стилях, однако академические тексты считаются нейтральными в этом отношении. Мы исследовали некоторые формальные критерии, которые выделяются авторами статей такой тематики, и проверили, релевантны ли они для академических текстов.

В качестве данных взяты тексты из Корпуса русских учебных текстов, который содержит работы, написанные студентами в период обучения. Это формирует довольно однородную выборку по многим критериям, например, по возрасту, уровню образования и в определенном смысле роду деятельности, что позволяет сосредоточиться на интересующем параметре.

Был исследован целый ряд критериев, в таблице представлены результаты по наиболее существенным из них:

Критерий	Гипотеза	p-value	Вывод
наречия	женский	0.009693	мужской
сравнительная степень	женский	0.017	женский
СВ/НСВ	женский - СВ, мужской - НСВ	0.00267	женский - НСВ, мужской - СВ
частицы	женский	0.2614	не является статистически значимым

частицы не/ни	женский	0.0009138	женский
существительные	не известно	0.08382	не является статистически значимым
индекс лексического разнообразия	женский	3.168e-13	мужской

С помощью логистической регрессии получена модель, которая является бинарным классификатором, которая оценивает вероятность предполагаемого гендера (ближе к 1 - мужчина, ближе к 0 - женщина).

- 0-0.001 Лексическое разнообразие
- 0.001 - 0.01 не/ни частицы, сравнительная степень
- 0.05-0.1 СВ/НСВ, наречия

В целом, критерии, выделенные моделью как значимые, совпадают с t-тестом. Если сравнить предсказания модели по двум группам, то t-тест показывает $p\text{-value} < 2.2e-16$, что означает, что модель выделяет статистически значимую разницу между текстами.

Мы обнаружили, что нет каких-то точных признаков гендерных маркеров, однако есть несколько, на которые влияет гендер даже в нейтральном академическом тексте. Факторы, которые являются статистически значимыми:

- мужчины: индекс лексического разнообразия, наречия, совершенный вид
- женщины: частицы не/ни, несовершенный вид, сравнительная степень.

‘Жадный человек’ и ‘щедрый человек’ в атрибутивных словосочетаниях и отадективных производных

Васильева Елена Викторовна, ст. преподаватель, Иркутский государственный университет, Иркутск

Прилагательные, характеризующие индивида по его отношению к материальным ценностям, избирательны в сфере субстантивной мотивации, ср.: *жадный* → *жадина*, *скупой* → *супец*, но *щедрый* → *, *загребущий* → *.

Цель данного исследования – выявить **семантические причины**, обуславливающие участие / неучастие адективов в деривационном процессе.

Результаты анализа контекстного употребления прилагательных *жадный*, *щедрый* и их синонимов позволяют говорить, что отношение человека к собственности может проявляться в двух аспектах:

- в стремлении получать / отдавать как можно **больше** чего-либо;
- в стремлении **сохранять / не сохранять** что-либо только для себя, **не делиться / делиться** с окружающими.

В производстве имен лиц участвуют только те адективы, в значении которых делается акцент не на количестве того, что человек берет себе или отдает другому, а на том, как он взаимодействует с окружающими в материальных вопросах.

Подобная закономерность наблюдается как при функционировании однозначных адективов (*загребущий* → * и *скупой* → *супец*), так и при функционировании лексем многозначных прилагательных типа *жадный*, ср.:

жадный 1 – ‘такой, который стремится взять себе, получить, употребить, иметь у себя как можно больше чего-либо’¹: *Он же (КГБ) и главная защита от беспардонного растаскивания страны жадными олигархами* (В. Иванов);

жадный 2 – ‘такой, который избегает каких-либо трат, расходов своего имущества, не желает делиться своим с другими’: – *За десятку я бы и связываться не стал, – расстраивался дедушка, задумчиво глядя на полученный червонец. Жадный попался клиент* (А. Филимонова);

жадина – ‘жадный человек’: – *Жадина ты! Маленькую булочку для папы пожалела!..* (А.И. Пантелеев).

Таким образом, участие прилагательных в деривационном процессе может быть обусловлено характером признака, который они обозначают. Маркируются те особенности индивида, проявление которых положительно или отрицательно сказывается на интересах других людей.

Если тот или иной признак не получает однословной номинации, то, как кажется, это связано с тем, что в языке имеются иные номинации, способные заместить гипотетически возможное производное, ср.: *Он добрый (= щедрый) человек и может отдать все, что у него есть...* (Л. Утесов). *Этот добряк, готовый отдать первому встречному бедняку все, что у него найдется в кошельке?* (И.Н. Потапенко).

Зона будущего в баргузинском диалекте бурятского языка²

Васильева Мария Дмитриевна, Москва

В бурятском языке референцию к будущему имеют несколько глагольных форм. Во-первых, это формы Презенса и Прогрессива-в-Презенсе (1). Во-вторых, это причастие будущего времени на -хА, которое употребляется в предикативной позиции со связкой (3) или без неё (2). При отсутствии связки причастие на -хА принимает глагольные согласовательные показатели, что характерно и для других бурятских причастий, или именные согласовательные показатели, что является особенностью данного причастия (ср. 2а и 2б). Наконец, референция к будущему времени есть у аналитической конструкции -хА-ја: *бай-ха* (4), где первым элементом выступает так называемое деепричастие цели (см., например, [Рорре 1960; ГБЯ 1962; Skribnik 2003]), являющееся производным от причастия на -хА.

В докладе будет освещена дистрибуция этих форм в баргузинском диалекте бурятского языка³. В частности, будут рассмотрены зависимость значения глагольной формы от акциональных характеристик глагола, возможность отрицания, употребимость в условных конструкциях, в контекстах предсказания, обещания, предостережения, а также сочетаемость с обстоятельствами типа ‘еще’, ‘завтра’, ‘в семь часов’ и т.д. (для выбора релевантных параметров сравнения мы опирались в первую очередь на [Dahl 2000; Copley 2009]).

¹ В основу толкования положены данные Словаря русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой и результаты контекстуального анализа.

² Исследование было выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

³ Данные были получены в ходе экспедиций 2014—2017 гг. в у. Барагхан Курумканского района Респ. Для сбора данных использовался метод элицитации, и, в меньшей степени, проводился анализ устных аннотированных текстов.

- (1) a. *b'i ŋglø:dər irkutsk-ta n'i:-na-b*
я завтра иркутск-DAT лететь-PRS-1SGV
- b. *b'i ŋglø:dər irkutsk-ta n'i:-za bai-na-b*
я завтра иркутск-DAT лететь-CONV1 быть-PRS-1SGV
'Я завтра лечу в Иркутск.'
- (2) *b'i тһнө: бэҗг бэҗг-хэ бай-на-б*
я сейчас письмо писать-POT быть-PRS-1SGV
'(Оказывается,) я сейчас буду писать письмо.'
- (3) a. *b'i тһнө: бэҗг бэҗг-хэ-б*
я сейчас письмо.ACC писать-POT-1SGV
- b. *b'i тһнө: бэҗг бэҗг-хэ-тһи*
я сейчас письмо.ACC писать-POT-1SGn
'Я сейчас буду писать письмо.'
- (4) *b'i тһнө бэҗг бэҗг-хэ-јэ: бай-на-б*
я сейчас письмо писать-POT-ACC.REFL быть-PRS-1SGV
'Я сейчас собираюсь писать письмо.'

Сокращения

1 — 1 лицо, ACC — аккузатив, CONV — деепричастие, DAT — датив, п — именной согласовательный показатель, POT — причастие будущего времени, PRS — Презенс, REFL рефлексивный согласовательный показатель, SG — единственное число, v — глагольный согласовательный показатель

Литература

- ГБЯ 1962 — Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. / Г.Д. Санжеев (ред.). М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- Copley 2009 — Copley B. The semantics of the future. – Routledge, 2009.
- Dahl 2000 — The future time reference questionnaire // Dahl Ö. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Walter de Gruyter, 2000. Pp. 789–799.
- Poppe 1960 — Poppe N. Buriat Grammar. Bloomington, Indiana University Press, 1960.
- Skribnik 2003 — Skribnik E. Buryat // The Mongolic Languages. / J. Janhunen (ed.). London and New York: Routledge, 2003. Pp. 102–128.

Функциональные особенности перфекта в средненижненемецком (на материале рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки)
Власова Елизавета Алексеевна, специалист, Российская Национальная Библиотека, Санкт-Петербург.

В настоящее время проблема изучения перфекта на материале различных языков получает всё более всестороннее освещение, при этом подчёркивается неоднозначность и сложность изучаемого явления (Плунгян 2016), (Сичинава 2013), (Горбова 2013), для по-

нимания которого необходимо часто использовать диахронический подход. Особенно пристальное внимание учёных-типологов обращено к процессу возникновения перфекта, то есть к рассмотрению перфектных форм на разных этапах развития языковой системы. Такой диахронический подход позволяет лучше понять особенности употребления и значения перфекта.

В докладе прослеживаются функциональные особенности перфекта в средневековый период нижненемецкого.

В работах отечественных и зарубежных германистов сложилась традиция рассматривать особенности употребления перфектных конструкций в южнонемецких диалектах, где они получили широкое распространение в Средние века (Abraham 2004), (Žirmunski 2010). Настоящий доклад посвящён менее изученной проблеме употребления перфекта в северных диалектах немецкого языка на материале молитв из средневековых молитвенных книг, хранящихся в Российской национальной библиотеке.

На основе функционального анализа многочисленных примеров перфектных конструкций из молитвенников Российской национальной библиотеки можно говорить о широкой употребительности перфекта в средненижненемецком (например, *heft gedan* ‘сделал’, *hadest lydendes/ lef gehat* ‘причинил страдания/радость’, *heft geschapen* ‘создал’ и др.). Частотное употребление перфекта, в свою очередь, также свидетельствует о существовании в средненижненемецком процесса вытеснения прошедшего времени (Власова 2015) и противоречит устоявшейся точке зрения (Žirmunski 2010) о не полной реализации Präteritumschwund на базе северных диалектов немецкого языка в средневековый период.

Употребления деепричастных оборотов, нестандартных с точки зрения классической грамматики

Глазунов Евгений Владимирович, студент, Высшая школа экономики, Москва

Общепризнанно нормативными считаются употребления деепричастий, относящиеся к подлежащему в номинативе (например, [Грамматика-80]).

Классический пример нестандартного употребления деепричастного оборота:

(1) *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа [Чехов А. П. «Жалобная книга»]*

В предложении (1) нулевое подлежащее деепричастной клаузы контролируется не номинативным подлежащим "шляпа", а косвенным дополнением "у меня" (косвенно-объектный контроль).

В работе [Пужаева 2016] на основе, в первую очередь, экспериментальных данных сделан вывод о том, что более допустимыми для носителей русского языка являются нестандартные употребления с препозитивной деепричастной клаузой (ДК). Цель нашего исследования — проверить и уточнить этот результат на материале Основного корпуса НКРЯ (тексты с 1950 года по настоящее время и тексты до 20 века), а именно, проверить 2 гипотезы: 1) среди ДК с неканоническим контролем препозитивных ДК больше, чем постпозитивных ДК; 2) количество ДК с неканоническим контролем возросло с течением времени.

Структура запроса соответствует структуре предложения из эксперимента, проведенного в [Пужаева 2016]. Структура предложения с препозитивной ДК представлена в

таблице, для предложения с постпозитивной ДК клаузы были расположены в порядке “главная, деепричастный оборот”.

Таблица 1. Структура запроса в НКРЯ

позиция	начало предложения		после запятой, перед точкой
длина	3-5 слов		4-6 слов
элемент	деепричастие	дополнение	главная клауза
параметры	НСВ, ментальная и перцептивная семантика	существительное, косвенный падеж	

Всего было найдено и проанализировано 1910 примеров, из которых 87 можно отнести к нестандартным (см. Таблицу 2 и Таблицу.3).

Из трех видов контроля (субъектного, косвенно-объектного и объектного) среди случаев с неноминативным подлежащим встречаются только два:

- субъектный контроль (например, подлежащее в дативе):
(1) *Ей так тогда захотелось за город, глядя на деревья.* [Андрей Битов. Сад (1960-1963)]
- косвенно-объектный контроль:
(2) *Сердце кровью облилось у меня, слушая рассказ Лиды.* [А. Ф. Писемский. Виновата ли она? (1855)]

Иногда семантический субъект не выражен эксплицитно. В примере (3) можно восстановить косвенно-объектный контроль “у+генитив”, а в примере (4) - субъектный контроль подлежащего в дативе:

- (3) *И глядя на это лукавство, нет на сердце обиды.* [Владимир Личутин. Любостай (1987)]
- (4) *Оглядываясь назад в настоящее время, все это кажется странным.* [В. В. Верещагин. Реализм (1891)]

Конструкция “у+генитив” может эксплицитно выражать семантический субъект, который осуществляет косвенно-объектный контроль.

- (5) *После “Бориса Годунова” у Пушкина нет причин подражать Шекспиру, сочиняя большие пьесы.* [Григорий Кружков. 1. Пушкин как озерный поэт // «Дружба народов», 1999]

Статистика

Таблица 2. Распределение случаев в зависимости от позиции ДК

	Нестандартные	Стандартные
препозиция	39	383
постпозиция	48	1440

Подсчет критерия χ^2 с поправкой Йейтса (пакет R Stats) показывает $p < 0.001$, что говорит о том, что разница в соотношении нестандартных и стандартных случаев при пре- и постпозиции статистически значима, и мы отвергаем нулевую гипотезу об отсутствии различий, как и предполагалось по первой гипотезе работы. Если рассматривать распределение по времени, тест показывает $p < 0.05$, поэтому нулевую гипотезу также отвергаем, что подтверждает нашу гипотезу 2. Таблица 3 показывает, что доля нестандартных случаев возросла (за счёт возрастания частоты предикативов в главной клаузе).

Таблица 3. Распределение случаев в зависимости от времени употребления

	Нестандартные	Стандартные
1950+	75	1358
до 20 века	12	465

Выводы

Нестандартный контроль деепричастного оборота - явление, редко встречающееся в корпусе, однако среди немногочисленных примеров встречаются разные типы отклонений. Анализ предложений, которые относятся к нестандартным употреблениям, показывает, что доля таких предложений выше в препозиции.

Литература

1. Пужаева С.Ю. Факторы, влияющие на нарушение кореференции деепричастных оборотов. ВКР, НИУ ВШЭ, 2016
2. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

ВОТ: одна из прагматем в речи информантов с различным психотипом

Горбунова Дарья Александровна, магистрант, СПбГУ, Санкт-Петербург

Устная речь, в которой непроизвольно отражаются психологические компоненты личности, является важным источником для диагностики психологических свойств говорящего. Темперамент влияет на динамические свойства речи, а психотип во многом определяет ее содержательную часть. Однако в нашей речи функционируют очень многочисленные, разнообразные и плохо поддающиеся однозначному определению и классификации единицы и конструкции, фактически не обладающие лексическим значением. Такие единицы и конструкции, взамен утраченного лексического, приобретают прагматическое значение, благодаря которому становятся средством связности в устном тексте. Так они приобретают свойства *прагматемы*.

Современных лингвистов занимает специфика процесса речепорождения, и представляется интересным, каким образом выбор и частота употребления той или иной прагматемы коррелируют с психотипом говорящего.

Настоящее исследование выполнено на материале звукового корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – крупнейшего лингвистического ресурса для изучения устного дискурса. Корпус содержит записи речи людей с различными гендер-

ными, социальными и психологическими характеристиками. Для доклада из корпуса были выбраны речевые фрагменты, включающие полифункциональную прагматему *вот* и конструкции с ней (*ну вот, да вот*), из речи информантов с разным психотипом:

- *я с(:) удовольствием () протяну ему руки / но только если он мне скажет Настасья_Аркадьевна% / вот //* (ксенопоказатель + финальный дискурсив) (И147, жен., 50 лет, интроверт);
- *ну вот и реально я оказываюсь (э-э) (...) (э) справа уже всё поджато / мне вернуться некуда* (стартовый дискурсив + хезитатив) (И109, муж., 28 лет, экстраверт);
- *знаешь из-за этого же не продают знаешь да вот эту / марганцовку* (поисковый хезитатив) (И102, жен., 51 год, экстраверт);

В докладе предлагается анализ подобного материала с учетом психологических характеристик говорящего (интроверт/экстраверт).

Выявление языковых признаков косвенного речевого акта угрозы в лингвистической экспертизе

Грек Марина Сергеевна, студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

Угроза как разновидность языкового насилия входит в состав преступлений по разным категориям уголовных, гражданских и административных дел, общим для которых является тот факт, что в число основных доказательств по делам об угрозе входят, прежде всего, результаты лингвистической экспертизы. Угроза является некооперативным (конфликтным) речевым актом, выступая как проявление вербальной агрессии. Как и любой речевой акт, угроза бывает прямой и косвенной. Языковые диагностические признаки прямого речевого акта угрозы хорошо описаны в научной литературе и не представляют особых трудностей для их экспертной квалификации. Однако встречаются случаи, когда говорящий старается завуалировать угрозу и для этого использует определенные речевые тактики (приемы).

Теоретической основой данной работы является приложения постклассической теории речевых актов, в которой исследуются речевые акты некооперативного типа, к методологии и методике производства лингвистических экспертиз (А.Н. Баранов, К.И. Бринев) и некоторые принципы теории речевого воздействия, изложенные в работах И.А. Стернина и О.С. Иссерс

Цель исследования — охарактеризовать основные речевые стратегии и тактики выражения косвенной угрозы.

Это прежде всего случаи вуалирования, маскировки речевого акта угрозы под речевые акты другой коммуникативной направленности (обещание, предупреждение / предостережение, совет). В толковых словарях данные лексические единицы определяются друг через друга, поэтому возникает порочный круг. В связи с этим у эксперта возникает проблема определения коммуникативного намерения говорящего, а также выделения в представленном на исследование тексте признаков именно речевого акта угрозы.

Для разграничения данных речевых актов нужно выделить их главные различия. В теории речевых актов угроза и обещание принадлежат к одному классу – комиссивам. И

их главным отличием друг от друга является то, что обещание – это обязательство сделать что-то для вас (for you), а не в ущерб вам (to you), в то время как угроза – это обязательство сделать что-то в ущерб вам. Во фрагменте «*Я обещаю, что сделаю все, чтобы помешать вам осуществить это*» без знания контекста и конституации нельзя определить позицию автора.

Речевой акт предупреждения имеет пользу для адресата, т.е. у говорящего нет намерения применить насилие по отношению к слушающему. Например, во фрагменте «*На этот раз я тебя предупреждаю, что так просто ты от меня не уйдешь*» содержится перформатив «предупреждаю», хотя в данном высказывании есть все признаки угрозы.

В случае с советом наступление события зависит не от говорящего, а только от будущего поведения слушающего, тогда как при угрозе негативные последствия являются результатом деятельности говорящего. Во фрагменте «*Тебе лучше немедленно перечислить мне указанную сумму, иначе ты больше не увидишь свою дочь*» говорящий дает совет, а по сути, угрожает адресату.

При исследовании речевых произведений необходимо исходить из гипотетической возможности нейтрализации косвенного речевого акта в контексте и рассматривать весь материал, представленный в записи, а не отдельные высказывания. Тогда эксперт сможет описать речевую стратегию, целеполагание коммуникантов, их речевое взаимодействие и установить степень вероятности наличия угрожающего содержания или способ нейтрализации речевого акта угрозы.

В случае если эксперт не может однозначно определить речевые стратегии и достоверно сформулировать интенции говорящих в представленном тексте, он должен указать об этом в своем заключении.

Некоторые наблюдения над атематическим *dvandva* в древнегреческом языке

Давыдов Тихон Георгиевич, магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, кафедра классической филологии, Москва

Древнегреческий язык известен своим обилием сложных слов (композитов); в этом отношении его превосходит лишь древнеиндийский язык. При этом большинство древнегреческих композитов образуются сложением двух (или более) корней, которые между собой соединяются тематическим гласным, при условии, что первый элемент композита оканчивается согласным, а второй начинается с согласного. Если же композит образован сложением более чем двух корней, все средние элементы должны и начинаться, и оканчиваться согласным. В противном случае тематический гласный не используется, и такие композиты можно назвать атематическими.

В древнегреческом языке есть гораздо более редкий тип, типологически схожий с лат. *ferae pascides*, др.-инд. *sukhaduḥkham* и др. Сложное слово такого типа, образованное из сочетания двух антонимов, часто может использоваться для выражения значения «всё», «вселенная», «любое» и т.п. В эллинистическую эпоху появляется слово τὸ νυχθήμερον, обозначающее «сутки».

При этом свидетельство подобного употребления мы, как выясняется, можем найти в гораздо более раннюю эпоху, а именно у Гераклита во фрагменте 67 (и 57) (по DK), где, согласно статье известного исследователя Гераклита Андрея Валентиновича Лебедева «Греческая философия как реформа языка», мы встречаем слова типа «ЗИМАЛЕТΟ,

ДЕНЬНОЧЬ, ВОЙНАМИР», которые в теории языка Гераклита представляются «естественными именами», из которых в свою очередь возникают имена обычного языка.

Этот контекст ранее не учитывался при сопоставлении с аналогичными композитами в других индоевропейских языках. Подобно лат. *ferae recudes*, греческие примеры могут быть трактованы и как словосочетание, и как композит типа *dvandva*. В настоящем докладе приводятся аргументы в пользу последнего тезиса и высказывается предположение, что подобное употребление могло быть свойственно индоевропейскому языку.

Трансформация категории одушевленности/персональности существительных в польском переселенческом говоре в Республике Хакасия и Красноярском крае РФ

Егоров Илья Михайлович, магистрант, РГГУ, ИВКА, Москва

Настоящий доклад посвящен островному польскому переселенческому говору, бытующему с последнего десятилетия XIX в. в с. Знаменка Боградского р-на Республики Хакасия и д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края. Фонетические, морфологические и лексические особенности указывают на то, что данный идиом восходит к мазурской группе говоров мазовецкого диалекта.

Общая тенденция развития инославянских переселенческих говоров на территории России состоит в выравнивании асимметрии между исходной системой говора и системой русского языка. К таким асимметричным участкам принадлежит категория одушевленности/персональности. В докладе рассматривается процесс трансформации данной категории в названном переселенческом говоре.

Основным маркером категорий одушевленности и персональности является синкретизм форм A и $G.Sg/Pl$. В разных славянских языках и диалектах он охватывает разные группы лексем. Это связано с тем, что распространение форм $A=G.Pl$ в западно- и восточнославянских языках шло различными путями. На 3-слав. территории такие формы закрепились у существительных м. р.: поначалу у названий лиц (польский литературный язык), а затем и у названий животных (нижнелужицкий, польские диалекты). В в-слав. языках формы $A=G.Pl$, появившись достаточно рано у всех групп существительных, утвердились сперва у личных имен ж. р., а лишь затем у существительных, обозначающих животных.

В мазурских говорах на территории Польши отмечается случаи факультативного совпадения форм A и $G.Pl$ имен м. р., обозначающих животных. Примеры формы $A=G.Pl$ имен ж. р., обозначающих лиц, немногочисленны. Отмечены лишь единичные фиксации формы $A=G.Pl$ имен ж. р., обозначающих животных.

В рассматриваемом переселенческом говоре формы $A=G.Pl$ имеют тенденцию к полному вытеснению форм $A=N.Pl$ прежде всего у имен ж. р., обозначающих лиц. Таким образом, путь распространения синкретизма форм A и $G.Pl$ напоминает развитие в в-слав. языков. У имен м. и ж. р., обозначающих животных, формы $A=G.Pl$ встречаются также часто, как и формы $A=N.Pl$. Последние несколько чаще у имен ж. р. Выражение одушевленности у существительных, обозначающих животных, остается факультативным. Если в мазурских говорах на исходной территории для существительных ж. р. оно носило скорее маргинальный характер, то в переселенческом говоре стало вполне полноценным.

Синкретизм форм A и $G.Pl$ у существительных м. и ж. р. со значением живого существа отмечается и в других польских диалектах, активно контактирующих с в-слав.

идиомами, а именно в переселенческом польском говоре с. Вершина Боханского р-на Иркутской обл. и в периферийных польских говорах на территории Белоруссии и Украины.

Аорист в нарративе сербской прозы XX века

Егорова Мария Александровна, аспирант, Институт лингвистики РГГУ, Москва

Употребление форм аориста в современном сербохорватском языке представляет известную проблему. Эта форма редко используется в разговорном языке и практически не встречается в публицистике, СМИ и научных текстах (за исключением устойчивых выражений), но продолжает использоваться в художественном повествовании [1; 3].

В традиционных грамматиках аористу приписывается значение действия, завершившегося в прошлом, до начала момента речи [1; 5]. В современных работах отмечается его “экспрессивность” [3]. По мнению автора, все эти факты не вполне объясняют употребимость аориста в нарративе художественной прозы. В то же время ограниченная употребимость аориста в других сферах и вытеснение его формой перфекта [4], которая становится “формой по умолчанию” в прошедшем времени, заставляют предположить, что в современном сербохорватском языке аорист используется в особой функции — иной, нежели простое выражение видо-временных значений. А следовательно, рассматривать формы аориста необходимо не *per se* и не в контексте отдельно взятого предложения, а в более широком контексте.

С этой целью автор предпринял изучение небольшого массива текстов художественной прозы XX века [1; 6; 7; 8], что позволило сделать следующие выводы. Формы аориста используются в нарративе преимущественно в качестве средства организации дискурса [2]: так, они появляются при смене говорящего в диалоге, перемене ситуации (е. г. в начале новой главы). Частным случаем является обозначение неожиданного события; последнее подтверждается тем, что формы аориста охотно сочетаются с наречиями *изненада, одједанпут* ‘неожиданно, вдруг’, что сближает их с показателями миратива.

Литература

- [1] В. П. Гудков. Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарём. М., 1969.
- [2] В. А. Плунгян. Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008.
- [3] Бранко Тошович. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского /хорватского языков. М., 2006.
- [4] Brozović D., Ivić P. Jezik srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988. [5] Tomislav Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.
- [6] Павић, Милорад. Унутрашња страна ветра, или роман о Хери и Леандру. Београд, 1993.
- [7] Сербская поэзия и проза XX века: Хрестоматия // Сост. С. В. Зайцева, Е. Стоянович, М. А. Милютина. СПб, 2003.
- [8] Kapor, Momo. Foliranti. Zagreb, 1975.

Превербы *nox* и *joxi* в хантыйском языке: между аспектуальной и дискурсивной семантикой

Закирова Айгуль Наилевна, студент, НИУ ВШЭ, Москва ; Муравьев Никита Алексеевич, преподаватель, НИУ ВШЭ, Москва

В хантыйском языке существует класс превербов — единиц, которые обозначают направление, чаще всего употребляются в предглагольной позиции и имеют тенденцию к грамматикализации в аспектуальные показатели, а именно, по [Nikolaeva 1999: 35-36], в показатели перфектива. В нашем докладе речь пойдет о двух таких превербах — *nox* ‘вверх’ и *joxi* ‘внутри, домой’. Мы покажем, что возможность употребления преверба зависит не от видового ракурса, а от акциональных свойств ситуации (превербы являются маркерами предельности, а не перфективности) и в некоторых случаях также от дискурсивных факторов. Материал исследования был собран в с. Овгорт ЯНАО в 2016-2017 гг.

Исследуемые единицы возможны только в предельных контекстах (в том числе хабитуальных), но при этом, как показано в (1a, b) ниже, они не являются в этих контекстах обязательными.

(1a) *huw kat šəs šaj (*joxi) jǎŋś-əs*
он два часчай внутри пить-PST
‘Он пил чай два часа.’

(1b) *huw kat šəs sis-ən šaj (joxi) jǎś-s-əlli*
он два часв.течение-LOC чай внутри пить-PST-3SG.SG
‘Он выпил чай за два часа.’

Тем не менее в некоторых случаях анализ превербов в аспектуальных терминах сталкивается с трудностями. Так, они оказываются допустимы при переходных предикатах в актуально-длительном контексте плана настоящего (2) и некоторых других предельных контекстах. При этом обязательным условием их грамматичности в этом случае является наличие на глаголе показателя субъектно-объектного согласования, которое, по [Nikolaeva 2001: 26], маркирует вторично-топикальный статус прямого объекта.

(2) *want-a, pet'a xul-ət joxi le-l-li/*le-l*
смотреть-IMP Петя рыба-3SG внутри есть-NPST-3SG.SG/есть-NPST
‘Смотри, Петя рыбу ест.’

Из этого можно заключить, что использование преверба также регулируется информационной структурой высказывания (ср. похожие выводы на мансийском материале в статье [Virtanen 2014: 113]). В данном докладе мы докажем, что в действительности употребление превербов в данном случае связано не с топикальностью, а с определенностью/дискурсивной выделенностью участников ситуации.

Литература

Nikolaeva I. Ostyak. – Lincom Europa, 1999.

Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure //Linguistics. – 2001. – Т. 39. – №. 1; ISSU 371. – С. 1-50.

Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // Nyelvtudományi Közlemények. – 2014. – Т. 109. – С. 109-122.

Лексические и синтаксические клише в либретто итальянской оперы конца XVII - первой пол. XVIII века

Канев Анатолий Игоревич, аспирант, Институт языкознания РАН, Москва

Оперные либретто занимают особое место в итальянской литературе и являются ее немаловажной составляющей. В отличие от либретто на других языках, итальянские рассматриваются в качестве полноценных литературных произведений. В XVIII веке литературные достоинства оперы зачастую не уступали музыкальным, а итальянский язык получил распространение в европейской культуре во многом благодаря оперному искусству. В этой связи достаточно упомянуть столь выдающихся драматургов, занимавшихся составлением либретто, как Апостола Дзено и Пьетро Метастазио.

Доклад основан на изучении 40 текстов оперных либретто конца XVII - первой пол. XVIII века, написанных разными авторами. Цель доклада – выявление закономерностей и внутренней структуры текстов либретто через анализ наиболее распространенных словосочетаний и синтаксических оборотов.

В речитативах и, особенно, ариях регулярно встречается ряд клише, проявляющихся одновременно на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. В результате можно говорить о присущей именно языку либретто сложной языковой конструкции. Например, во многих ариях, в конце первой строфы помещается абстрактное существительное с суффиксом *-tà* (*libertà, crudeltà* и пр.), а в конце второй - перифрастический оборот, состоящий из герундия и глагола *andare* или форм глаголов, оканчивающихся на [a]. Такой выбор во многом был обусловлен требованиями музыки - на последний слог строфы композиторы писали вокальные пассажи и каденции, которые удобнее было петь на открытый гласный.

На основании приведенного и большого количества других примеров, можно заключить, что тексты либретто подчинены своей особой внутренней логике и правилам, отличающимся от тех, по которым выстраивается текст, предназначенный для драматического театра. Выявлению этих правил и способов их реализации в изучаемых либретто мы и посвящаем наше исследование.

Эволюция ключевых понятий китайской социолингвистики

Каплунова Мария Яковлевна, к.ф.н., н.с., Институт языкознания РАН, Москва

Социолингвистика, будучи сравнительно молодым научным знанием, получает распространение в Китайской Народной Республике в начале 80-х гг. XX в. Тем не менее языковая ситуация в многонациональном Китае, обусловленная географическими особенностями и социально-историческими изменениями в стране, также способствовавшими диалектному разнообразию среди представителей китайского этноса, потребовала обращения к ключевым понятиям социолингвистики как в рамках национально-языкового строительства, так и в масштабах общегосударственной политики еще задолго до обособления социолингвистики в качестве самостоятельной науки. Так, понятие «*национальный язык*», возникающее на фоне развивающейся идеи формирования единой китайской нации, формулируется в виде термина «*гоюй*» (国 语, букв. «государственный/национальный язык») еще в начале XX в. Позднее, по мере возникновения споров относительно диалект-

ной основы национального языка актуальным становится термин «путунхуа» (普通话, букв. «общепонятный язык»), который одерживает победу в борьбе за статус национального языка. Несмотря на структурные изменения в языке, стоящим за термином «путунхуа» в его историческом развитии, его роль в современной языковой политике КНР определяется функциями общегосударственного языка страны, обозначенными в Законе Китайской Народной Республики об общегосударственном (通用, букв. «общеупотребительном») языке и письменности.

Другие ключевые понятия китайской социолингвистики обозначены такими терминами как «языковая ситуация», «языковая жизнь», «национальное меньшинство», «трансграничный язык» и др. В работе проводится анализ развития данных понятий за счет сопоставления этимологии связанных с ними терминов, а также их интерпретации в трудах отечественных и китайских социолингвистов разного периода, что способствует более глубокому пониманию особенностей китайского социолингвистического знания.

О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела

Кашкин Егор Владимирович, к.ф.н., н.с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

В докладе рассматриваются горномарийские⁴ сложные глагольные комплексы, состоящие из конверба смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола. Например, в (1) смысловой глагол *koštaš* ‘сушить’ модифицирован глаголом *šändäš* ‘сажать, ставить’, привносящим семантику достижения предела.

- (1) *män' vārgem-äm košt-en šänd-en-äm*
я бельё-ACC сушить-CVB сажать-PRET-1SG
'Я высушил бельё (букв.: суша посадил)'.

Эти конструкции изучались и ранее, см. [Серебренников 1960: 190–199; Пенгитов и др. (ред) 1961: 202–216; Driussi 1992-1993], однако без подробного освещения семантических ограничений на заполнение слотов и без системного сравнения близких по значению конструкций. Мы обсудим этот круг проблем на примере конструкций с грамматикализованными глаголами *šändäš* ‘сажать, ставить’ и *šuaš* ‘бросить’, введя наш материал в контекст теоретических работ о выражении перфективной семантики (см. [Татево-сов 2015: 61–69] и приводимые там ссылки) и грамматикализации лексем рассматриваемых семантических зон (см., например, [Майсак 2005]).

Глагол *šändäš* сочетается с наименованиями предельных процессов (*koštaš* ‘сушить’, *māškaš* ‘мыть’, *optaš* ‘класть, наливать, насыпать’, *pitäräš* ‘закрывать’, *pogaš* ‘собирать’ и др.), см. (1). Часто он выражает идею накопления некоторого ресурса, в т. ч. в сатуративных контекстах (например, ‘наестся’ в конструкции с глаголом *kačkaš* ‘есть’).

Глагол *šuaš* прототипически сочетается с конвербами глаголов деструкции / удаления: *pādārtaš* ‘ломать’, *puštaš* ‘убивать’, *roaš* ‘рубить’, *šütäš* ‘развязывать [узел]’, *jamdaš* ‘терять’ и др.:

⁴ Данные собраны в 2016-2017 гг. в экспедициях в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях. Учитываются как материалы анкетирования, так и примеры из корпуса устных рассказов объемом ок. 27 тыс. словоупотреблений.

- (2) *mән'ә šüt-en šu-en-äm catkädä šörgäš-äm*
 я развязывать-CVB бросить-PRET-1SG крепкий узел-ACC
 'Я развязал тугой узел'.

Дефолтно он не сочетается с глаголами обработки (*mäškaš* 'мыть', *ut'užaš* 'гладить [одежду]') и с глаголами создания нового объекта (*siräš* 'писать [письмо]', *jalštaš* 'завязывать [узел]'). Интересно, однако, что во многих идиолектах такие сочетания возможны с множественным объектом, входящим в прагматическую пресуппозицию (в понимании [Lambrecht 1994]), см. (3). В докладе эта проблема будет рассмотрена подробнее.

- (3) ^{OK}*mән' tән' šüd-ämä šörgäš-et-vlä-m jalšt-en*
 я ты велеть-PTCP.PASS/NMLZ узел-POSS.2SG-PL-ACC завязывать-CVB
šu-en-äm
 бросить-PRET-1SG
 'Я завязал все узлы, которые ты велел'.

Список глосс

1, 2 – 1, 2 лицо; ACC – аккузатив; CVB – конверб; NMLZ – номинализация; PL – множественное число; PRET – претерит (2-е прошедшее время); PTCP.PASS – пассивное причастие; SG – единственное число.

Литература

- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005.
 Пензитов И. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. (ред.) Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
 Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство АН СССР, 1960.
 Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: ЯСК, 2015.
 Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. – 1992–1993. – № 16/17. P. 59–105.
 Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

К вопросу об актуальности стилистических лексических приёмов в современном медиа-дискурсе (на примере афоризмов, распространённых в социальных сетях)

Киселевская Варвара Александровна, студент, МПГУ, Москва

Стилистика – сравнительно молодая наука, к которой проявляют научный интерес все больше ученых-лингвистов. Одним из ключевых вопросов стилистики являются стилистические приёмы.

Безусловно, мастерами использования стилистических приёмов являются авторы классических художественных произведений. Однако стилистические приёмы получили широкое распространение не только в художественных произведениях, но и в современном медиа-дискурсе. Разного рода тексты, такие, как, например, статья в электронном журнале или комментарий в социальных сетях, пекут различными средствами художественной выразительности, которыми умело оперируют пользователи Интернета в контексте современного медиапространства.

Одним из ярких примеров является использование получивших широкое распространение в социальных сетях *современных афоризмов*, построенных на основе стилистических приёмов. На основе анализа самых популярных современных афоризмов можно сделать вывод о том, какие стилистические лексические приёмы наиболее актуальны в современном медиа-дискурсе, чему и будет посвящено наше исследование. В данной статье мы будем рассматривать *стилистические приёмы на лексическом уровне* (или, по-другому – *стилистические лексические приёмы*), опираясь на классификацию известного лингвиста И.Р. Гальперина.

Для исследования были отобраны 146 самых распространённых в социальных сетях афоризмов на русском и английском языках. В качестве источников выступили наиболее часто используемые социальные сети, пользователями которых являются представители разных национальностей. Информация об этих социальных сетях представлена в таблице ниже.

Таблица 1. Социальные сети, используемые для исследования.

Название социальной сети	Цель создания	Целевая аудитория	
		Возраст	Национальность
«ВКонтакте»	«современный, быстрый, эстетичный способ общения в сети» (цит. по vk.com/about)	14-35 лет	Преимущественно русские, украинцы, белорусы, казахи
«Одноклассники»	«...помочь людям найти тех, с кем они вместе учились» (цит. по fb.ru)	25-34 лет; 55 и старше	преимущественно армяне, казахи, русские, украинцы
«Facebook»	«...позволяет увеличить круг знакомств» (цит. по iklife.ru)	25-44 лет	преимущественно американцы, индийцы, британцы, немцы
«Tumblr»	Делиться с пользователями сети графическим контентом разного характера	Данные отсутствуют	преимущественно американцы, японцы, британцы, китайцы
«Twitter»	Быстро и кратко делиться информацией с пользователями	Данные отсутствуют	преимущественно американцы, японцы, британцы, испанцы
«Instagram»	Делиться графическим контентом, преимущественно личными фотографиями	Данные отсутствуют	преимущественно американцы, русские, японцы, британцы

Результаты показали, что наиболее часто используемыми стилистическими лексическими приёмами являются *метафора, игра слов, аллюзия, ирония*, а самыми непопулярными – *гипербола и преуменьшение, оксюморон, метонимия, перифраз*.

Данное исследование актуально и имеет практическое применение. Мы можем проследить, какие стилистические приёмы представляют наибольший интерес для молодежи, что можно будет учитывать при построении плана уроков по стилистике в высших учебных заведениях.

Проблемы построения лексикостатистических деревьев на примере работы программы Starling

Коровина Евгения Владимировна, м.н.с., Институт языкознания РАН, Москва

В работах по сравнительно-историческому языкознанию особая роль отводится работам по построению языковых классификаций. Одним из методов классификаций является разработанная в начале 50х годов М. Сводешем лексикостатистика, хотя формальное построение деревьев на основе этого метода и появилось несколько позже. Важно отметить, что поскольку конкретная форма получившегося дерева зависит от ряда факторов, включающих особенности исходных данных и работы алгоритмов, а не является данностью (ср. Kassian 2015), крайне важно представлять, как именно эти особенности функционируют в конкретной программе.

Одной из популярных программ, служащих для построения лексикостатистических деревьев, является программа Starling, разработанная в начале 90х годов С.А. Старостинным (Старостин 1994) и с тех пор подвергавшаяся разного рода модификациям. К ее особенностям следует отнести возможность построения датированных деревьев при помощи разных методов на основании сравнения их списков Сводеша, а также его укороченных версий.

Данная работа основана, во-первых, на опубликованных описаниях программы Старостин 1994, Бурлак, Старостин 2005, Kassian 2015, справка к программе Starling, а во-вторых, на чтении кода программы, любезно предоставленном Ф.С. Крыловым. Для компактности перечислю лишь основные ранее не публиковавшиеся свойства, о которых, как кажется, полезно знать пользователю:

- Алгоритм вычисления дат Swadesh не вполне соответствует исходной сводешевской методике т.к. исходная методика не предполагала исключения заимствований;
- Несмотря на то, что при попарном сравнении программа вычисляет степень сходства до 4 знака, для построения деревьев используются только целый процент;
- Если наибольший процент имеется 2 или более парах, то берется значение первой пары, из-за этого генерируемое дерево может зависеть от того в каком порядке идут языки.

Как представляется знание об этих, не вполне очевидных свойствах могут быть полезны пользователям данной программы.

Топикализация в языке кла-дан

Макеева Надежда Владимировна, к.ф.н., н.с., Институт языкознания РАН

В языке кла-дан (< южные манде < манде < нигер-конго) имеется четыре элемента, функционирующих или способных функционировать в качестве показателя топики.

При топилизации именной группы используется детерминатив dɔ. Существуют две стратегии топилизации при помощи этого показателя: топилизация с выносом составляющей и топилизация in situ. В первом случае именная группа, оформленная показателем dɔ, выносится в крайнюю левую позицию, а её синтаксическую позицию в клаузе занимает несубъектное местоимение. При второй стратегии линейно расположенная в

клаузе и оформленная показателем топики именная группа сопровождается местоименной репризой. Ряд синтаксических явлений языка кла-дан указывает на то, что при обеих стратегиях соответствующая синтаксическая позиция в клаузе занята местоимением, тогда как топикализованная именная группа занимает позицию адьюнкта к клаузе или адьюнкта к послеложной / глагольной группе соответственно.

При топикализации послеложных групп и наречий, являющихся обстоятельством места и времени, последние располагаются в крайней левой позиции без дополнительного оформления. Также они могут оформляться показателями à и l'è, выступающими в качестве финальных маркеров препозитивных зависимых клауз: коррелятивных, условных, уступительных. Две функции показателей à и l'è, очевидно, связаны между собой: все препозитивные обстоятельственные придаточные, по-видимому, топикальны. Наконец, функцию топики демонстрирует таксисный союз *tó*, вводящий непервые клаузы нарративной цепочки. События, описываемые клаузами, которые вводит союз, следуют друг за другом регулярно, либо осуществляются одновременно. Вместо первой клаузы, задающей временную точку отсчёта для всех последующих клауз, союзу может предшествовать темпоральное обстоятельство. Также в эту позицию могут выноситься именные группы подлежащего и дополнения. По-видимому, можно говорить о развитии у союза *tó* функции показателя топики, хотя и в этих случаях его употребление по-прежнему ограничено контекстом регулярно или одновременно осуществляющихся событий.

Интонация вопросно-ответной пары с положительным ответом (на материале польского языка)

Мелихова Мария Александровна, аспирант, Институт языкознания РАН, Москва

Задача данной работы – анализ вопросно-ответной пары в польском языке. Прямой ответ на т.н. называемый да-нет вопрос, или вопроса без вопросительного слова, предопределяется структурой вопроса. Это слова «да» или «нет», синонимичные им слова (конечно, безусловно и т.д.), а также повтор вопросительного компонента (Пришел? – Пришел). В настоящей работе рассматриваются вопросно-ответные пары с положительным ответом. Тоннограммы выполнены с помощью программы Praat, настройки использованы стандартные. Материалом послужили аудиозаписи на польском языке из учебных курсов, фильмов и телепередач. Общий объем проанализированных аудиозаписей составляет около 10 часов. Для описания польской интонации в данной работе используется система интонационных конструкций (далее – ИК), созданная Е.А. Брызгуновой для русского языка. В полонистике для этих же целей используется система описания интонации Дж. Пьерхамберт [Wiśniewski; Demenko], однако мы считаем систему Е.А. Брызгуновой достаточной для описания польской интонации, поскольку большая часть интонационных конструкций русского языка сопоставима с ИК польского языка.

Результаты анализа состоят в следующем:

1) Самым частотным маркером вопросительности в вопросе без вопросительного слова служит интонационная конструкция с понижением частоты тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и повышением на заударных слогах, если они есть. В примере (1) на графике по оси абсцисс показано время в секундах, по оси ординат – частота в герцах. График демонстрирует нисходяще-восходящий интонационный рисунок, который

соответствует акценту типа ИК-4, по классификации русской интонации Е.А. Брызгуновой [1, 114].

(1) *Jest pani cudzoziemka?* – Так.

‘Есть пани иностранка? – Да’.

Тонoгpамма 1

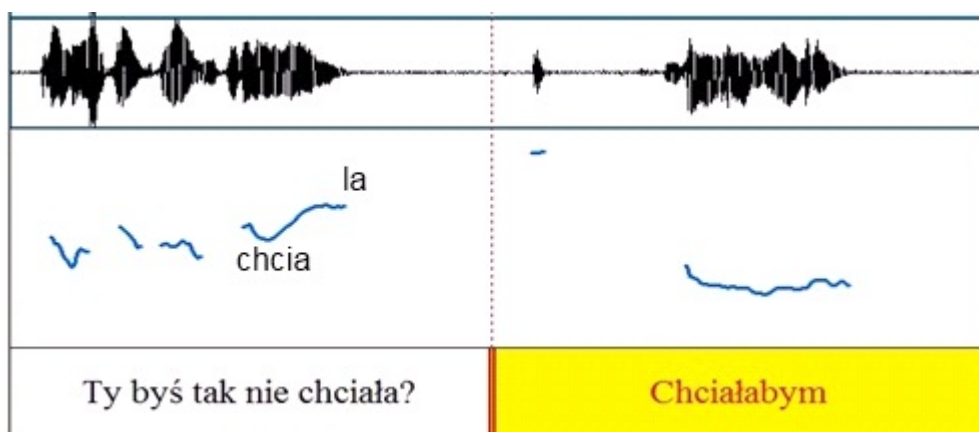
2) Еще одним вариантом интонационного оформления да-нет вопроса служит специфическая конструкция с подъемом на ударном слоге и последующим подъемом на заударном слоге. Эта модель отсутствует в списке ИК Е.А. Брызгуновой. Периферийные употребления этой модели в русской речи рассмотрены в работе Т.Е. Янко, где эту модель предложено называть «градуальным подъемом» [2, 842].

Пример (2) иллюстрирует градуальный подъем на словоформе *chciała* ‘хотела’.

(2) *Ty byś tak nie chciała?* – *Chciałabym*.

‘Ты бы так не хотела? – Хотела бы’.

Тонoгpамма 2

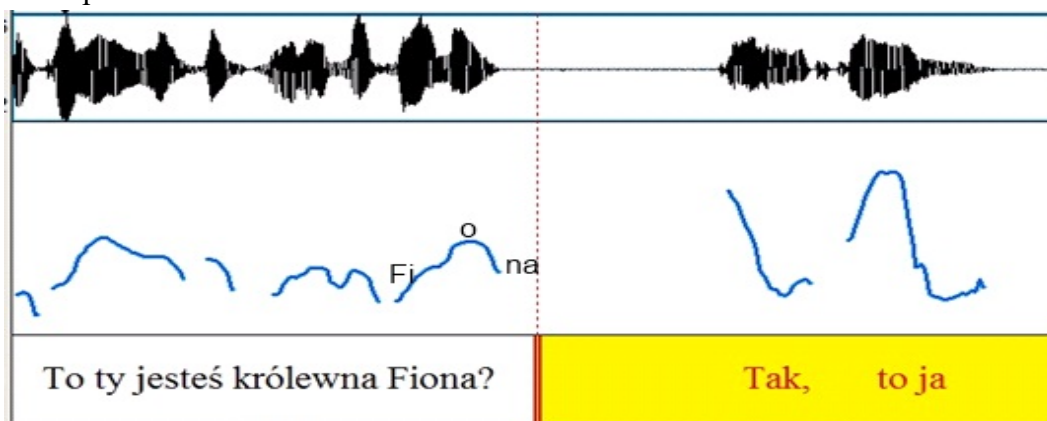

3) Наряду с акцентом типа ИК-4 и градуальным подъемом в польском языке маркером вопроса служит акцент типа ИК-3. В этом случае на акцентоносителе наблюдается повышение тона голоса на ударном слоге и падение на заударных слогах, если они есть. Такая интонационная конструкция наименее частотна для польского языка. Интонационная конструкция такого типа показана в примере (3). Повышение тона на словоформе *Fiona* происходит на ударном предпоследнем слоге, а на заударном наблюдается падение.

(3) *To ty jesteś królowna Fiona?* – Так, to ja.

‘Это ты – принцесса Фиона? – Да, это я’.

Тонограмма

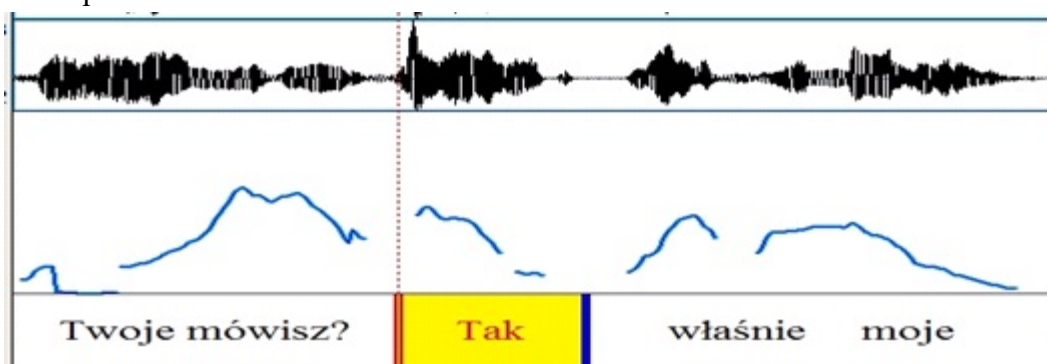

4) Что касается ответа, то самой распространенной моделью является падение частоты тона голоса на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс продолжающееся падение на заударных слогах, если они есть, типа ИК-1, по Е.А. Брызгуновой. Падение такого типа наблюдается в примере (4) на словоформе Tak.

(4) Twoje mówisz? – Tak, własne moje.

‘Твое, говоришь? – Да, моё собственное’.

Тонограмма 4

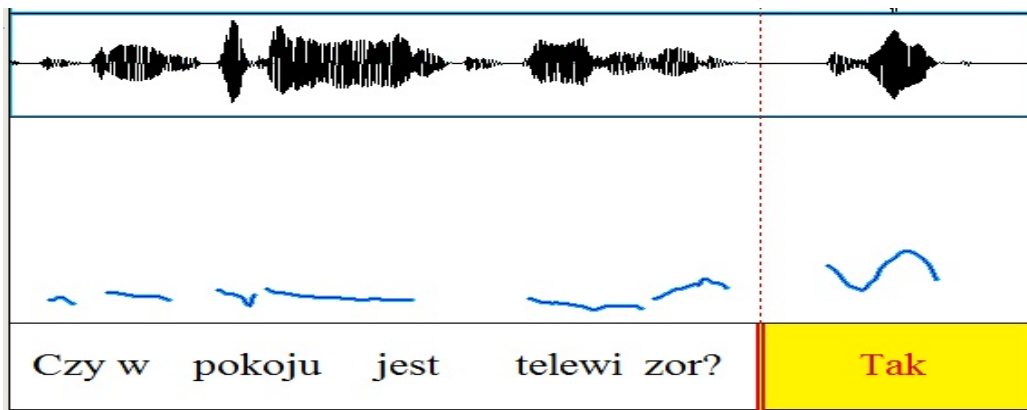
5) Если в интонацию ответа вносятся какие-либо дополнительные оттенки смысла, кроме простого согласия, то интонация ответной реплики изменяется.

В примере (5) ответная реплика произносится с некоторой долей удивления и возмущения в голосе. На словоформе tak можно видеть резкое понижение тона голоса, а продолжение ответной реплики маркируется конструкцией типа ИК-2. Это падение тона, причем падению предшествует подъем частоты, он обеспечивает «набор высоты тона», необходимый для рельефного падения. Начальное падение на этой словоформе происходит на согласном звуке t, который в этом примере очень четко произносится.

(5) Czy w pokoju jest telewizor? – Tak!

‘Есть ли в комнате телевизор? – Да!’

Тонограмма 5

Таким образом, вопрос без вопросительного слова в польском языке маркируется акцентом типа ИК-4, реже встречаются градуальный подъем и акцент типа ИК-3. Интонационная структура положительного ответа в польском языке представлена конструкциями, которые объединяет падение на ударном слоге словоформы-акцентоносителя. Это падение тона как при ИК-1, либо падение, которому предшествует подъем внутри ударного слога, как при ИК-2.

Доклад иллюстрируются записями звучащей речи.

Литература

- Брызгунова Е.А. Интонация. // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. – 783с. – С. 96–122.
 Янко Т.Е. Новые интонационные конструкции русского языка: разработка транскрипции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М.: Изд-во РГГУ, 2016.
 Wiśniewski M. Zarys fonetyki i fonologii współczesnego języka polskiego. – Toruń, 2000.
 Demenko G. Analiza cech suprasegmentalnych języka polskiego na potrzeby technologii mowy. – Poznań, 1999.

Матричное представление иерархии топикальности для анализа дифференцированного маркирования актантов в пама-ньюнгских языках

Мещерякова Евгения Игоревна, НИУ ВШЭ, Москва

Иерархия топикальности, или одушевлённости, ранжирующая именные группы (или их референты) в зависимости от их морфологических и семантических признаков (или свойств референтов), традиционно считается универсальной, и различные её варианты используются для объяснения в том числе тенденций маркирования главных участников в языках мира. Иерархию представляют в виде одной или нескольких порядковых шкал: лица, одушевлённости и т.д.; лишь в работе [Bickel et al. 2015] на промежуточном этапе решения большей задачи — статистической проверки универсальности иерархии — была предпринята попытка вывести иерархию эмпирически из данных базы AUTOTYP [Bickel et al. 2017], и для этого использовался подход, предложенный в [Cysouw 2015]: на основе языковой выборки рассчитывалась матрица расстояний между элементами иерархии, из которой затем методом многомерного шкалирования была получена одномерная шкала. Однако такой метод имеет два крупных недостатка: он чувствителен к составу языковой выборки, и на этапе уменьшения размерности теряется некоторое (небольшое в данном случае) количество информации, что мешает применять данный метод для других лингвистических шкал.

Ранее (см. [Mescheryakova 2017]) было показано, что иерархию топикальности можно представить в виде матрицы расстояний между элементами шкалы для каждого языка в отдельности. Схожесть иерархий в разных языках рассчитывалась как расстояние, порождённое матричной L1-нормой.

Помимо сопоставления данных результатов с информацией о генеалогии языков пама-ньюнга и их геоданными, в настоящей работе рассматриваются результаты применения различных методов уменьшения размерности и кластерного анализа на описанных выше данных; эти результаты описывают «усреднённую» иерархию для небольшой выборки (34 пама-ньюнгских языка, для которых есть данные о маркировании актантов в базе AUTOTYP [Bickel et al. 2017]).

Литература

Bickel et al. 2015 — Bickel B., Witzlack-Makarevich A., Zakharko T. Typological evidence against universal effects of referential scales on case alignment. Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. 2015. Pp. 7–43.

Bickel et al. 2017 — Bickel, Balthasar, Johanna Nichols, Taras Zakharko, Alena Witzlack-Makarevich, Kristine Hildebrandt, Michael Rießler, Lennart Bierkandt, Fernando Zúñiga & John B. Lowe. 2017. The AUTOTYP typological databases. Version 0.1.0 <https://github.com/autotyp/autotyp-data/tree/0.1.0>

Cysouw 2015 — Cysouw, M. Generalizing scales. Scales and Hierarchies: A Cross-Disciplinary Perspective. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A., Richards M. D. De Gruyter Mouton. 2015. Pp. 59–74.

Mescheryakova 2017 — Modelling Referential Scale With Dissimilarity Matrices: nominal number, differential argument marking and possessor marking in Pama-Nyungan. Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. — СПб. : Нестор-История, 2017.

Использование дискурсивных слов для идентификации личности в рамках судебной фоноскопической экспертизы

Моштылева Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского, аспирант, Нижний Новгород

Одним из перспективных и активно развивающихся направлений прикладной лингвистики является судебное речеведение.

Устная речь исследуется в рамках судебной фоноскопической экспертизы, заключение которой становится одним из доказательств в расследовании дел экстремистской и террористической направленности, об убийстве, хищении, а также дел, связанных с коррупцией. Объектом изучения становятся телефонные разговоры, диктофонные записи или звуковые ряды видеозаписей.

Важнейшим этапом в исследовании фонограмм является определение диагностических и идентификационных признаков речевого потока и признаков речи на всех уровнях русского языка. [2: с. 21-37]

Выявление дискурсивных слов в спорных фонограммах экспертом-лингвистом представляет идентификационную ценность. Связанные с ними признаки, в основном, указываются экспертом на лексическом уровне исследования речи диктора.

Нами был исследован речевой материал тринадцати фонограмм длительностью от трёх до тридцати минут из материалов уголовных дел. Дикторами являются мужчины и женщины из криминальных социальных групп в возрасте от 25 до 54 лет. Применялась

методика производства судебной фоноскопической экспертизы правоохранительных органов Российской Федерации. [1: с. 17]

Исследованиями дискурсивов в русской речи в разное время занимались А. Н. Баранов, К. Л. Киселёва, Д. Пайар, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина и др.

На употребление в речи дискурсивных слов более всего влияют: степень подготовленности речи, социальные характеристики говорящего, коммуникативная ситуация.

В настоящее время в науке не существует классификации дискурсивных слов, которая отвечала бы требованиям производства фоноскопических исследований, поэтому мы, проанализировав аудиоматериалы с живой русской речью, предлагаем авторскую классификацию дискурсивных слов на основе распределения признаков по уровням экспертного исследования фонограммы:

Дискурсивные слова на уровне речевого потока:

- при заполнении пауз гезитации;
- при сбоях речепорождения.

Дискурсивные слова на уровне фразы и слова:

- контактоподдерживающая лексика;
- пропозициональные предикаты;
- акцентирование в речи;
- незначаменная лексика.

Классификация имеет практическое значение применительно к оценке совокупности идентификационных признаков речи человека, а также при составлении обликового портрета говорящего, что сегодня является одним из перспективнейших направлений судебной лингвистики в целом.

Литература

Каганов, А. Ш. Криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей. Краткая энциклопедия / А. Ш. Каганов, Л.Ф. Назин. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2014. – 280 с.

Фоноскопическое исследование фонограмм речи. Исследования достоверности фонограмм: практическое пособие в 3 книгах. Книга 1 / С. Л. Коваль [и др.]. – Санкт-Петербург: Издательство ООО «Юридический центр-Пресс», 2011. – 281 с.

К проблеме интерпретации графики оскских надписей: о фонетическом значении удвоенных согласных букв

Новикова Екатерина Павловна, к.ф.н., преподаватель, МГУ, Москва

Надписи на оскском языке (сабелльская подгруппа италийских языков) существуют в трех алфавитных системах: одна опирается на греческий алфавит, вторая на латинский, третья – на оскскую адаптацию этрусского. Во всех системах существуют общие закономерности, например, долгота гласного передается удвоением буквы: А – [ā], АА – [ā̄]. Нерешенной остается проблема удвоения согласных букв: на первый взгляд, оно непоследовательно и носит факультативный характер. Ср. написания (в транслитерации): afaamatted (наряду с faamated и afamated) и др.

С сер. XIX до нач. XXI вв. удвоение объяснялось учеными (В. Корссен, К. Бак, Г. Рикс и др.) или исторически (как результат развития групп согласных с j, типа dj > dd; подходит для весьма ограниченного круга примеров), или как попытка передать характер произношения согласных (например, передать напряженность согласного; но и здесь не наблюдается регулярности).

Г. Рикс смотрел на удвоения согласных в надписях на всех италийских языках с точки зрения действия орфографического правила, именуемого «Littera-Regel». В латинском языке это правило дает написания типа Juppiter, где согласный [p] был одиночным, и второй [p] возник «для компенсации» сокращения предшествующего [ū]. Для оскского языка выявить аналогичную закономерность Риксу не удалось, и едва ли верно, что этим правилом объясняется удвоение согласных в суффиксе оскского претерита -tt-.

Корпусные методы ускоряют выявление гипотетических системных закономерностей в надписях на италийских языках. Анализ надписей из корпуса под ред. М. Кроуфорда (2011 г.) позволил установить, что удвоенные согласные в оскских надписях не пишутся после удвоенных гласных (и этимологически долгих, но переданных через одиночный гласный), в абсолютном начале и абсолютном конце слова.

В докладе оскское удвоение согласных рассматривается как попытка выработать способ указания на краткость предшествующего гласного (в противоположность латинскому «Littera-Regel»).

Рефлексивные глаголы с полной и частичной однореферентностью актантов в сопоставительном аспекте

Писарева Виктория Вадимовна, аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Донецкий национальный университет, Донецк

Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка в силу своей тесной связи с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные трудности при ее изучении (Генюшене, 1981).

Настоящее исследование методологически опирается на работы ученых группы типологического изучения языков ЛО ИЯ АН СССР, которые с конца 60-ых годов XX века всесторонне изучали данную категорию и особенности ее выражения в языках различного строя в рамках универсальной-типологической концепции диатез и залогов [«Залоговые конструкции в разноструктурных языках» - 1981; «Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках» - 1985; Э.Ш. Генюшене «Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов» - 1983].

Работа посвящена сопоставительному исследованию рефлексивных глаголов (РГ) с полной и частичной однореферентностью актантов в английском, немецком, русском и украинском языках. Выбор данных языков продиктован как субъективными факторами (владение автором данными языками), так и объективными причинами (недостаточно полное описание названных РГ в указанных языках с позиций теории диатез; сложность разграничения данных смысловых классов РГ и др.)

Работа нацелена на решение следующих конкретных задач:

- установить особенности диатезного преобразования при переходе от нереплексивного глагола (НГ) к РГ на трех уровнях – референтном, семантическом и синтаксическом;
- выявить полный набор диатезных типов и подтипов РГ каждого смыслового класса с привлечением репрезентативных словарей и национальных корпусов данных языков;
- уточнить семантические роли, необходимые и достаточные для описания семантической деривации НГ → РГ;
- определить набор ЛСГ, участвующих в рефлексивной деривации исследуемых языковых единиц.

Ввиду разнообразия мнений относительно определения РГ в английском языке и статуса *oneself*, в настоящей работе «рефлексивами именуются сочетания типа *wash oneself, behave oneself, manifest itself, pull oneself together*, в которых компонент *oneself* (*myself, yourself, himself, herself, itself, ourselves, themselves*) следует непосредственно за глаголом и не является усилительным местоимением» [Генюшене 1983, с. 243]. Мы разделяем т. зр. Э.Ш.Генюшене о том, что хотя *oneself* «и имеет статус отдельного слова, и несмотря на инновационный характер и сохраняемую внутреннюю форму, данный рефлексивный показатель сходен по функциям с рефлексивными аффиксами балтийских языков» [там же, с. 248-249] (добавим: а также с рефлексивными аффиксами *-ся* в русском, украинском и *sich* в немецком языках – курсив наш).

Под РГ с полной однореферентностью актантов понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых происходит элиминация второго одушевленного референта и совмещение, таким образом, у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия, например:

(1) нем. а. *Er (Pers1/Ag/Sb) besprengte einen Ohnmächtigen (Pers2/ Pt/Обвин) mit Eau de Cologne (NonP / Med /Обпредл)* ‘Он обрызгал обессиленного (упавшего в обморок) одеколоном’ → б. *Grenouille händigte ihm die beiden Flakons mit dem konventionellen Blütenduft aus, und der Marquis (Pers1/AgPt/Sb) besprengte sich damit (NonP / Med /Обпредл)* ‘Гренуй вручил ему два флакона с обычными цветочными духами, и маркиз обрызгался (т.е. обрызгал себя) ими’ (P.Süskind «Das Parfum», с. 200), аналогично: англ. *to spray smb. → to spray oneself with smth.*; рус. обрызгать кого-л. чем-л. → обрызгаться чем-л.; укр. бризгати кого-н. чим.-н. → бризгатися чим-н.

Под РГ с частичной однореферентностью актантов понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых элиминируется второй партитивный референт (= отчуждаемая/неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта и объекта действия, например:

(2) нем. а. *Ich (Pers/Ag/Sb) habe das Kleid (Part/Обпос./Обвин) beschmiert* ‘Я замарала платье’ → б. *Ich (Pers/AgквазиОбмнож.пос./Sb) habe mich mit Tinte (Med) beschmiert (Duden, с. 362)* ‘Я замаралась (т.е. замарала руки, лицо, платье и т.п.) чернилами’; аналогично: англ. *to (be)smear /besmirch/dirty smth. → to (be)smear / besmirch /dirty oneself*; рус. вымазать что-л. чем-л. → вымазаться чем-л.; укр. забруднити що-н. чимсь → забруднитися чимсь.

Отрицательная конструкция с предикатом *nisi* в языке куллуи

Ренковская Евгения Алексеевна, Москва

Работа посвящена особой отрицательной конструкции в языке куллуи⁵ и основана на полевых материалах, собранных во время лингвистических экспедиций в дд. Наггар, Сума, Башинг и г. Куллу округа Куллу (штат Химачал Прадеш, Индия) в 2016-2017 гг. Данная конструкция образуется при помощи сочетания неизменяемой глагольной формы, предположительно старой формы деепричастия (см. [Зограф, 1976: 218]) и одного из диалектного набора отрицательных предикативов *nisi*, *nitsi*, *nholi*, реже *nisa*, *nitsa*. Основными особенностями данной конструкции являются следующие:

- конструкция относится к настоящему времени и имеет особый модальный оттенок неясности причины происходящего для говорящего;
- предикат не изменяется и не согласуется ни с одним аргументом в предложении;
- предикат может быть образован как от активной, так и от пассивной основы глагола, таким образом конструкция может быть употреблена в пассиве;
- аргументы в данной конструкции могут иметь различное маркирование: они маркируются тем способом, каким маркировались бы в аналогичном по семантике предложении, но без модального оттенка.

(1) meɣ-ε ʃoɣ-ε meɣ-a p^hoŋ nisi tsek-i
мой-PL свекор-PL мой-М.SG телефон NEG.STAT поднимать-STAT
Мой свекор не берет трубку (по неизвестной причине)

(2) meɣ-a g^hɔɣ ok^hε nε nisi heɣ-u-i
мой-М.SG дом здесь ABL NEG.STAT видеть-PASS-STAT
Мой дом отсюда не виден (дом должен был быть виден, но почему-то его не видно)

(3) eha ʃɔɣi nε rātiso-u-i nitsa
этот.F.OBL девушка ABL ночью спать-PASS-STAT NEG.STAT
Этой девушке не спится ночью (по неизвестной причине)

Данная конструкция не была описана ранее, не фиксируется в описаниях других языков химачальской группы пахари и является нехарактерной для новых индоарийских языков.

Литература

Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М: Наука, 1976.

Согласование по числу прилагательных в удмуртском языке

Сапарова Дарья Александровна, студент, ВШЭ СПб, Санкт-Петербург

Настоящая работа посвящена показателю множественного числа прилагательных *-есь*. Согласно существующим описаниям, в предикативной позиции он обязателен, а в атрибутивной – факультативен [Перевощиков и др. (ред.) 1962; Winkler 2001].

⁵ Язык куллуи относится к северной подгруппе индоарийских языков, к группе языков химачальских пахари. Ареал распространения – округ Куллу, Химачал-Прадеш, Индия.

⁶ Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 16-34-01040 (2016-2018).

В настоящем исследовании, основанном на полевых⁷ и корпусных данных, был установлен ряд уточнений к этому распределению.

Во-первых, помимо прилагательных, присоединять показатель *-есь* могут причастия некоторых классов, а также вопросительные и указательные местоимения. Впрочем, причастия, согласующиеся по числу с существительным, не могут иметь при себе глагольных зависимых, что, предположительно, указывает на их адъективацию.

Во-вторых, если прилагательное, выступающее в функции **предиката**, стоит в форме компаратива, то показатель факультативен.

В-третьих, на наличие показателя в **атрибутивной** позиции влияет ряд факторов:

1. Падеж вершины;
2. Рестриктивность;
3. Информационная структура;
4. Лексический состав атрибута.

Чаще всего *-есь* присоединяется в тех случаях, когда вершина выражена номинативом⁸:

Таблица 1. Зависимость присоединения *-есь* от падежа вершины (Корпус удмуртского языка)⁹

	С <i>-есь</i>	Без <i>-есь</i>	Всего	% с <i>-есь</i>
Номинатив	15	185	200	7,5%
Аккузатив	2	198	200	1%
Датив	2	198	200	1%
Локатив	2	198	200	1%

В ходе полевого исследования была выявлена тенденция к использованию *-есь* при прилагательных, выступающих в качестве нерестриктивных определений, ср. (1) и (2).

(1) *чебер-есь* / ^{OK}*чебер ныл но пияш*
 красивый-PL красивый девочка и мальчик
 ‘красивые мальчик и девочка’

(2) *чебер-есь* / [?]*чебер Миша но Никита*
 красивый-PL красивый Миша и Никита
 ‘красивые Миша и Никита’

Атрибутом, который чаще всего согласуется по числу, является прилагательное *бадзым-есь* (большой-PL).

Таблица 2. *Бадзым* ‘большой’

(Корпус удмуртского языка)

	С <i>-есь</i>	Без <i>-есь</i>	% с <i>-есь</i>

⁷ Материал был собран в ходе полевой работы в д. Нижнее Кечёво респ. Удмуртия в январе 2018 года.

⁸ Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0,01$).

⁹ <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus>. Примеры были отобраны вручную.

<i>бадзым</i>	8	51	14%
Другие прилагательные	13	728	2%

Большая предпочтительность согласования по числу прилагательных в позиции предиката по сравнению с атрибутом соответствует типологическим ожиданиям [Corbett 2006: 238–240]. Связь наличия согласовательного показателя с семантикой размера у атрибутивного зависимого находит типологическую параллель в кетском языке [Vajda 2004: 38].

Литература

Первошиков П. Н. и др. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Corbett G. G. Agreement. Cambridge University Press, 2006.

Vajda E. J. Ket. Munich, 2004.

Winkler E. Udmurt. Munich, 2001.

Сохранность этнических языков в городской среде (на примере Махачкалы)

Сенькина Диана Станиславовна, магистрант, НИУ ВШЭ, Москва

В республике Дагестан тесно сосуществуют носители более 40 языков [Berg 2005; Catford 1977]. Многие дагестанцы владеют тремя и более языками. Однако при переезде в город необходимость в малых языках сокращается до минимума, поскольку языком общения с представителями является русский [Даниэль, Добрушина 2013]. Как правило, единственными сферами, в которых поддерживается этнический язык, остаются общение в семье и с друзьями (этническим языком здесь и далее мы называем язык селения, в котором человек, его родители или родители родителей выросли).

Целью исследования было выяснить установки жителей Махачкалы в отношении сохранения этнического языка и их языковое поведение. В частности, ставилась задача выяснить, есть ли различие в том, как сохраняется этнический язык в однородных и в смешанных семьях

Чтобы решить поставленные задачи, автор предпринял полевое исследование в г. Махачкале в январе 2018 года. Поскольку целью было выявление установок и типичных моделей поведения, была выбрана качественная методология, а именно устные полуструктурированные интервью. В исследовании приняли участие 43 жителя Махачкалы с разными этническими языками (см. Табл.1)

Наша выборка условно поделена на 5 групп:

- 1) представители смешанных семей в возрасте 30-45 лет, родившиеся в Махачкале – 5 человек,
- 2) представители однородных семей в возрасте 30-45 лет, родившиеся в Махачкале – 8 человек,
- 3) представители смешанных семей в возрасте 16-20 лет, родившиеся в Махачкале – 5 человек,
- 4) представители однородных семей в возрасте 16-20 лет, родившиеся в Махачкале – 9 человек,

5) респонденты, родившиеся в селе, но переехавшие в Махачкалу для постоянного проживания – 16 человек.

Возраст учитывался как условный признак поколения. За точку отсчёта (или первое поколение) были взяты 70-75-летние жители Махачкалы, переехавшие из села в молодости. Первым поколением мы называем людей, переехавших из села в Махачкалу для постоянного проживания. Вторым поколением – людей, которые родились в Махачкале у первого поколения, а третьим поколением – людей, которые родились у второго поколения.

Все опрошенные отмечали, что основным языком общения для них является русский. Этнический язык, если применяется, то в основном в общении в семье, реже – с друзьями. Несколько информантов крайне трепетно относятся к этническому языку и своей национальной идентичности. Это, как правило, представители однородных семей. По их словам, дома они общаются исключительно на этническом языке, не позволяя домочадцам переходить на русский. Тем не менее даже столь бережно относящиеся к родному языку информанты, как и остальные, отмечали, что их знание этнического языка значительно не дотягивается до знания представителей старшего поколения.

Для смешанных семей, где супруги являются носителями разных этнических языков, встретились три возможных варианта языкового поведения: общаться на русском (один общий язык), один из них узнаёт язык жены/мужа (два общих языка), оба супруга узнают языки друг друга и регулярно общаются в семье на них (три общих языка). Установки относительно передачи этнического языка детям во всех трёх ситуациях различаются. В нежелании передать этнический язык детям признавались лишь представители смешанных семей, родившиеся и выросшие в крупном городе.

Можно сделать два основных вывода. Во-первых, хотя в городе многие стремятся поддерживать своё владение родным языком и передавать его детям, они всё же чувствуют ограниченность сферы его использования. Как следствие, практикуют преимущественно русский язык, открывающий более широкие перспективы как в бытовом общении, так и в учёбе и карьере. Для родного же языка оставляют роль языка «для души», используя его в основном в родном селе либо в городе для общения с семьёй. Во-вторых, в смешанных и однородных семьях ожидаемо различаются паттерны передачи этнического языка детям. Представители однородных семей настроены более положительно, тогда как представители смешанных семей не всегда видят в этом ценность для детей.

Литература

1. Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции "Диалог 2013". — Т. 12. — РГГУ Москва, 2013. — С. 186–211
2. Berg H. The East Caucasian Language Family // *Lingua*. 2005. No.115. P. 147-190.
3. Catford J.C. Mountain of Tongues: the Languages of the Caucasus // *Annual Review of Anthropology*. 1977. No.6. P. 283-314.

Система глагольного отрицания в ульчском языке: полевые данные
Стойнова Наталья Марковна, к.ф.н., ст.н.с., Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН, Москва

В докладе будет обсуждаться система глагольного отрицания в ульчском языке (тунгусо-маньчжурские). Материалом послужат а) данные текстов: тексты О. П. Суника (1985) и свежие полевые записи, б) в меньшем объеме данные элицитации. Ульчская система отрицания представляет интерес со следующих точек зрения.

1) В контексте типологии отрицания. Система типологически нетривиальна: большая (в т.ч. в некоторых фрагментах парадигмы инвентарь отрицательных форм больше инвентаря положительных), структурно разнородная, асимметричная по отношению к положительным формам. В докладе ульчская система будет охарактеризована в типологических терминах М. Миестамо (2005 и др.).

2) В контексте грамматикализации. Все ульчские показатели глагольного отрицания восходят к двум источникам:

а) к отрицательному глаголу *ə- (в северных тунгусских языках он выступает как финитный глагол в сочетании с «коннегативной» формой смыслового глагола, а в южных, включая ульчский, застывает в разных формах, превращаясь в частицы и аффиксы, см. обзор в Hölzl 2015);

б) к показателю экзистенциального отрицания *kəwə* ‘нет, отсутствует’.

Будут высказаны гипотезы о пути образования каждой из отрицательных форм; ульчские данные будут рассмотрены с т.зр. существующих представлений о моделях грамматикализации показателей отрицания (цикл «двойного отрицания» Есперсена, см. Auwera 2009 и др., цикл эволюции экзистенциального отрицания Крофта, см. Croft 1991, Veselinova 2013; 2014; 2016 и др.).

3) В контексте сопоставления с близкородственными идиомами. Система отрицания — это тот фрагмент грамматики, в котором южнотунгусские идиомы проявляют неожиданно большую вариативность.

4) В контексте утраты языка и интерференции с русским языком. В данных, собранных нами от немногих современных носителей (нач. 50-х г.р. и старше, все двуязычны, ульчский используют мало или не используют вовсе), встречаются формы, которые можно интерпретировать в контексте языкового сдвига. Ср., напр., прохибитивные формы, структурно симметричные положительным императивным, как в русском: *būru* (давать-IMP, ‘дай’) ~ *əʒ būru* (NEG.IMP давать-IMP ‘не давай’). В существующих описаниях (Петрова 1936; Суник 1985), а также в речи старших носителей фиксируются другие, асимметричные положительным формам: *əʒ būrə* (NEG.IMP давать-CONNNEG ‘не давай’).

Литература

- Петрова 1936 — Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. Москва: Учпедгиз. 1936.
Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Ленинград: Наука. 1985.
Auwera 2009 — Auwera J. van der. The Jespersen cycles // Cyclical change / Ed. Gelderen E. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins. 2009.
Croft 1991 — Croft, W. The evolution of negation // Journal of Linguistics, 27. 1991. P. 1–39.
Hölzl 2015 — Hölzl A. A Typology of Negation in Tungusic // Studies in Language, 39(1). 2015. P. 117–157.
Miestamo 2005 — Miestamo M, Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter. 2005.

Veselinova 2013 — Veselinova L. Negative existentials: A cross linguistic study // Eds. Delia Bentley, Francesco Maria Ciconte and Silvio Cruschina [Special issue] Italian Journal of Linguistics, 25(1). 2013. P. 107—145.

Veselinova 2014 — Veselinova L. The Negative Existential Cycle Revisited // Linguistics, 52(6). 2014. P. 1327—1389.

Veselinova 2016 — Veselinova L. The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data // Gelderen E. Cyclical Change Continued. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. 2016. P. 139—187.

**Речевые стратегии текстовой коммуникации:
национальная идентичность VS характеристики SMS**

Темирова Джаннет Алибулатовна, аспирант, МГУ, Москва

Изучению английского языка в качестве лингва франка уделяется большое внимание, так как, помимо того, что он считается языком межкультурного общения, с его развитием тесно связан вопрос формирования региональных вариантов, которые имеют свои языковые и функциональные особенности [2, 5].

Со времен Д. Кристалла наблюдается повышенный интерес к коммуникационным технологиям, обусловленный появлением новых форм общения (электронная почта, чат, SMS и др.), которые являются источником новых кодов и сокращений [1, 3, 4].

Интерес для нашего исследования представляет вопрос о существовании языка в электронной среде, а именно о его взаимодействии с особенностями SMS. Иными словами представляется важным понимать стратегии написания коротких текстовых сообщений: влияет ли на пользователей при наборе текстов технически ограниченный набор символов функции SMS или их форма обусловлена другими критериями.

Материалом исследования послужили 4000 SMS-сообщений корпуса NUS (National University of Singapore) за 2004 и 2012 гг., анализ которых проводился корпусными методами изучения языка. Такой подход позволил пронаблюдать функционирование языка в естественной среде через призму электронного общения и выделить статистический критерий в использовании лексических и грамматических средств языка.

Изучив лексический состав исследуемых сообщений, мы пришли к выводу о том, что для этих текстов характерны: незначительное употребление неопределенного артикля, либо его опущение и полное отсутствие определенного артикля в SMS-сообщениях 2004 года; наличие обоих видов артиклей в SMS-сообщениях 2012 года; многократное использование местоимений 1-го и 2-го лиц в связке с тем или иным глаголом, что подтверждает ориентированность пользователя сообщений на собеседника с целью воздействия на него или получения желаемого результата; грамматические категории глагола, представляют собой ориентацию событий по отношению к моменту речи, речевое действие, равноценное поступку, средство выражения модальности; использование частиц в SMS-сообщениях 2004 года в прагматическом контексте.

На уровне синтаксиса были выделены следующие особенности: способом построения предложений на разговорном сингапурском варианте английского языка является калькирование с китайского языка, в результате чего происходит смещение тематических отношений, что приводит к нарушению порядка слов в предложении с точки зрения английской грамматики; SMS-сообщения корпуса SMS NUS представляют собой тексты с правильным порядком слов в предложении и с инверсией (в вопросительных предложениях сохраняется порядок слов утвердительного предложения); для SMS-

сообщений корпуса SMS NUS 2004 года характерен эллипсис, который проявился в опущениях вспомогательных глаголов и местоимений, если использовался глагол умственной деятельности или чувственного восприятия; SMS-сообщения корпуса SMS NUS 2012 года противоположны сообщениям 2004 года и отмечены наличием как вспомогательных глаголов, так и местоимений.

Полученные результаты дают возможность продолжить исследование, в рамках которого на следующем этапе планируется сравнить проанализированные сообщения с текстами референтного корпуса на базе текстов Твиттера и посмотреть, насколько наши выводы схожи с ранее проведенными исследованиями, и соответствуют ли они действительности.

Литература

1. Кушакова, Н.О. Дискурсивный анализ современной SMS-опосредованной коммуникации : дис ... канд филол наук. - Омск, 2016. - 301 с.
2. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. №1 (5) 2005. С. 124-128.
3. Crystal, D. (2008) *Txtng: the Gr8 Db8*. Oxford: Oxford University Press.
4. Hard af Segerstag, Y. (2002) 'Use and Adaptation of the Written Language to the Conditions of Computer-Mediated Communication', *PhD thesis*, University of Goteborg.
5. Kachru, Braj B. 1981. 'The Pragmatics of non-native varieties of English.' In E. Smith, ed., *English for Cross-cultural Communication*. Hong Kong: Macmillan Press

«Эмансипация» первообразных предлогов в русском языке

*Тискин Даниил Борисович, агистрант, филол. ф-т, каф. общего языкознания, СПбГУ,
Санкт-Петербург*

Диахронические исследования предлогов обычно сосредоточиваются на грамматикационных процессах [Плунгян (ред.) 2002; Hopper & Traugott 2003; Овсянникова 2009]. В данной работе исследуется противоположное явление — усиление синтаксической самостоятельности русских первообразных предлогов в течение последних трёх столетий.

Мы исследовали случаи, когда предлог отделён от своей ИГ лексическим материалом, на основе НКРЯ. Разделять может союз (Prep_1 *и/или* Prep_2 NP), вводное слово (*в, казалось, безвыходной ситуации*) или частица (*ради только кворума*).

Во всех перечисленных случаях усиление самостоятельности выражается в том, что со временем среди отделённых предлогов возрастает доля коротких предлогов (0–1 слог). В НКРЯ в целом такого роста нет. Различия в свойствах коротких и длинных (2 и более слогов) предлогов известны из исследований слусинга [Philippova 2014; Ионова 2016] и альтернативных вопросов [Podobryaev 2017].

<i>и</i>			<i>или</i>			вводные			<i>только</i>		
подкорпус	0–1	2–	подкорпус	0–1	2–	подкорпус	0–1	2–	подкорпус	0–1	2–
до 1900	128	126	до 1917	26	30	до 1917	1	91	до 1917	4	57
2001 и далее	254	117	1918 и далее	154	60	1918 и далее	41	222	1918 и далее	15	42
<i>p</i> (2-стор.)	<< .001		<i>p</i> (2-стор.)	< .001		<i>p</i> (2-стор.)	< .001		<i>p</i> (2-стор.)	< .01	

χ^2		χ^2		χ^2		χ^2	
----------	--	----------	--	----------	--	----------	--

Частотность конструкции с разрывом ПГ за счёт *только* со временем падает, но в её рамках доля коротких предлогов растёт.

Наши данные согласуются с данными о повторе предлога при сочинении ИГ: повтор, вообще связываемый со степенью грамматикализации предлога [Haspelmath 2007:14], по нашим данным, становится менее частотным в микродиахронии НКРЯ. Повтор же при аппозитивных отношениях был «автоматической синтаксической операцией» [Зализняк 1986:154] в языке берестяных грамот, но стал маркирован в современном литературном языке.

Неясно, в какой мере наблюдаемые изменения свидетельствуют о *деграмматикализации*, но из её признаков [ср. Norde 2009:8, 130–131] налицо уменьшение «связанности» (bondedness) и усиление линейно-синтагматической свободы (способность отстоять от ИГ-хозяина).

Литература

Зализняк А. А. (1986). Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. В сб.: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Ионова А. А. (2016). Эффект зависания предлога при слюсинге в русском языке. ТМП. Овсянникова М. А. (2009). Первообразные предлоги русского языка в свете теории грамматикализации. ВКР, СПбГУ. Плуноян В. А., ред. (2002). *Исследования по теории грамматики. В. 2: Грамматикализация пространственных значений*. HASPELMATH M. (2007). Coordination. In Shopen (ed.), *Language typology and syntactic description. Vol. II: Complex constructions*. 2nd ed. HOPPER P. J., TRAUGOTT E. C. (2003). *Grammaticalization*. 2nd ed. NORDE M. (2009). *Degrammaticalization*. PHILIPPOVA T. (2014). P-omission under sluicing, [P clitic] and the nature of P-stranding. *ConSOLE XXII*, pp. 133–155. PODOBRYAEV A. (2017). On preposition stranding in alternative questions. NELS.

Мотивационная модель ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’ в лексико-семантическом поле «Безумие» по данным славянских языков

Турилова Мария Валерьевна, к.ф.н., Калуга

В докладе рассматривается группа мотивационных моделей лексико-семантического поля «Безумие», характеризующих сумасшествие как следствие физического воздействия. Объект исследования – лексика славянских языков. Семантический переход (мотивационная модель) – развитие семантики от предыдущего звена к искомому («помешательство»). Семантика лексем анализируется в пределах этимологического гнезда, т.е. на фоне лексики славянских языков. Это позволяет определять относительную древность значений, реконструировать семантические цепочки, праславянские лексемы с их значениями.

В ряде рассмотренных гнездах семантика ‘бить, ударять’ является первичной: **guliti* ‘драть’, **šalbъ(jь)* (вероятно, ‘бить, стегать’), **šibati (se)* ‘бросить, ударить’ **l’uxati* ‘ударить’, **obšalomotiti (se)*.

В других – вторичной: лексемы, этимологически соответствуя другим моделям, переосмысляются по модели ‘ударить’ → ‘лишить рассудка’, ср. зап.-брян. *оглумить* ‘сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка; лишить способности соображать (шумом, криком, длительным разговором)’.

Может происходить и наоборот. Влад. *посиибаться* ‘сойти с ума’, формально представляя модель ‘получить удар, удариться’ → ‘лишаться рассудка’, реализует семан-

тический переход ‘сломаться’ → ‘лишиться рассудка’ (ряз. *посшибаться* ‘поломаться’). Отдельного исследования заслуживают гнезда **derti*, **gluzditi*, **truti*, **тъlmiti*.

Модель ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’ связана с представлениями о физической травме, ударе как причине помешательства; изумлении и других сильных эмоциях в результате чего-то неожиданного, выводящего из равновесия, лишаящего способности здраво мыслить, эпилепсии и других неврологических заболеваниях, нечистой силе, одержимости. Она также взаимодействует со смежными и отделенными семантическими переходами в названном поле.

Словообразовательный потенциал церковнославянского языка в структуре ирмосов двенадцатых праздников.

Харитонов Олег Сергеевич, студент, Московский государственный областной университет, ф-т русской филологии, Москва

Основной предмет доклада составляет церковнославянский язык как язык сакрального назначения и в то же время поэтический язык православного богослужения. Внимание обращено на лингвистический аспект поэтики текстов, входящих в литургический корпус Русской православной Церкви. В качестве объекта изучения в данной работе выбран словообразовательный уровень языка. Анализ производится методами диахронического словообразования.

Область исследования ограничена по жанровому критерию. В качестве изучаемого жанра выбран ирмос как один из самых лаконичных и поэтичных явлений церковнославянского языка.

В начале доклада даются общие сведения о церковнославянском языке, его назначении и своеобразии. Затем приводится общая характеристика жанра, раскрыты основные принципы его построения и традиции смыслового содержания. Дается литургический комментарий о месте этих текстов и их функциях, отводимых богослужебным уставом православной Церкви. В связи с этим пространство исследования ограничено и внутри жанра – исследуются ирмосы, принадлежащие утренним канонам двенадцатых праздников православной Церкви.

Далее, в качестве основного словообразовательного способа выбрано сложение основ, часто сопряжённое с суффиксацией и усечением морфем производящих слов, потому что именно этот тип деривации наиболее нехарактерен для не книжного, древнерусского языка. Тот, в свою очередь, усвоил из церковнославянского языка модели образования сложных слов путём аналогии, о чём в своё время писал И. И. Срезневский.

Для анализа выбрано шесть слов: *глубородительный* (βάθος ‘глубина’), *пучинородный* (ποντογενής), *митродѣвственнаа*, *оудовообрацательнаа* (εὐκίνητος), *протнвобышдцїи*, *ѣгомѣрзкїи* (θεοστύγης). Они представляют наибольший интерес со стороны их мотивирующей базы и словообразовательного форманта, а также, что наиболее важно для исследования, их семантического наполнения и эстетических функций, выполняемых в тексте. Потому что цель исследования – не просто проанализировать языковые формы и пути их возникновения, а определить, что именно они приносят в ткань поэтического текста ирмосов.

Указанные композиты рассматриваются с точки зрения их морфемной структуры и происхождения: выявляется словообразовательная база слова и его аналог в языке оригинального текста, где необходимо, приводится словообразовательная цепь, результатом которой стало анализируемое слово. Важным является определить, насколько стандартным и ординарным является слово для всей лексической системы церковнославянского языка, и, наряду с этим, установить время его вхождения в язык, для чего привлекаются не только словари, но и старообрядческие тексты.

Таким образом, исследование лежит больше в области изучения художественной речи, чем исторической грамматики, но в значительной степени на неё опирается.

Результатом работы стало определение основных специфических черт выбранных композит, а именно их морфемный состав, происхождение и семантика. Исходя из анализа внутренней формы слова, делается вывод: многокорневые слова – одно из ярчайших явлений поэтической речи ирмосов, способствующее достижению её динамики, пластики и смысловой насыщенности.

Лексикографической базой послужили «Полный церковно-славянский словарь» прот. Григория Дьяченко и «Материалы для словаря древне-русского языка» И. И. Срезневского. Научной базой исследования стали работы по словообразованию и истории языка И. М. Камчатнова, Г. А. Николаева, Е. А. Земской. Были привлечены исследования по церковнославянскому языку А. И. Соболевского, К. А. Войловой, М. О. Матвеевой, О. А. Шапоревой и др. Также базой послужили богослужebные книги Русской православной Церкви, старообрядческие ирмологии, работы по литургике и церковному уставу.

Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке

Хомченкова Ирина Андреевна, студент бакалавриата, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

В докладе мы рассмотрим единицы, которые можно отнести к комитативной зоне в горномарийском языке: послелогои *dono* ‘с’ и *saga* ‘около’ и показатель *-ge*.

Помимо комитативных употреблений, *dono* имеет инструментальное значение, а *saga* выражает значение ‘около’. Показатели с данной семантикой являются важным источником грамматикализации для показателей комитатива [Архипов 2005].

Показатель *-ge* рассматривался в грамматиках как «совместный» падеж [Саваткова 2002: 100], как показатель, служащий «для выражения совместности, сопроводительного значения» [Тужаров 1987: 89], как единица, привносящая семантику всеобщности [Stolz et al 2006: 70; Alhoniemi 1993: 60; Саваткова 2002: 100; Salo 2016: 197].

Ниже представлены примеры четырех основных типов комитативных конструкций (КК): прототипическая (1), сочинительная (2), копредикативная (3) и актантная (4) (см. [Архипов 2005]), из которых видна разница в употреблении показателей:

- (1) *maša šärgä-škä pet'a dono / saga / *-ge ke-n*¹⁰
 М. лес-ILL П. с около COM пойти-PRET
 ‘Маша пошла в лес с Петей’.
- (2) *maša pet'a dono / saga / *-ge šärgä-škä ke-n-ät*

¹⁰ Данные были собраны в с. Кузнецово (респ. Марий Эл) в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ 2017 г.

М. П. с около COM лес-ILL пойти-PRET-3PL
'Маша с Петей пошли в лес'.

(3) *maša arbuz dono / *saga / *-ge xânal-aš tol-ân*
М. арбуз с около COM гостить-INF прийти-PRET
'Маша пришла в гости с арбузом'.

(4) *maša kat'a dono / *saga / *-ge söredäl-eš*
М. К. с около COM ссориться-NPST.3SG
'Маша ссорится с Катей'.

Итак, *dono* употребляется во всех КК, *saga* – только в прототипической КК, а *-ge* может употребляться в копредикативных КК, но с семантическими ограничениями (связанными, как мы покажем, с семантикой полного комплекта: главная именная группа и именная группа, маркированная *-ge*, должны образовывать семантическое единство)¹¹:

Мы считаем, что несмотря на то что в грамматиках комитативным показателем считается *-ge*, прототипическим комитативом следует считать послелог *dono*. В докладе мы рассмотрим данный вопрос также с точки зрения семантики, используя идеи работы [Stolz et al. 2006].

Литература

- Архипов А. В. *Типология комитативных конструкций*. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005
Саваткова А. А. *Горное наречие марийского языка – Savariae*, 2002.
Тужаров Г. М. *Грамматические категории имени существительного в марийском языке – Йошкар-Ола*, 1987.
Alho Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Buske Verlag, 1993.
Merja Salo. *On the meanings of the suffix -nek/-nek in Erzya: A comitative case or derivational suffix?* Mordvin languages in the field. Ed. by K. Shagal with H. Arjava. Helsinki, 2016. 187–227.
Thomas Stolz, Cornelia Stroh, Aina Urdze. *On Comitatives and Related Categories: A typological study with special focus on the languages of Europe*. Vol. 33. Walter de Gruyter, 2006.

Устный диалогический дискурс: проблемы аннотирования

Чекмез Ульяна Эдуардовна, аспирант, Иркутский государственный университет,
Иркутск

Доклад посвящен проблемам аннотирования устного диалогического дискурса. Типичным для современных исследований является следующий способ фиксации устного диалогического дискурса:

А: *Давайте познакомимся сначала* (смеется) //

Б: *Давайте познакомимся / Людмила Ниловна / я Марина //*

Такой способ представления материала искажает реальную картину функционирования устного диалогического дискурса, поскольку не учитывает явления диалогической речи (наложения, взаимоперебивы, параллельные реплики и т.п.), нивелируя его специфику при сопоставлении с дискурсами другого вида (монологическим), а также – формы (ср. письменный дискурс).

Всё вышеизложенное обуславливает одну из задач нашего исследования – выявить релевантные характеристики устного дискурса, отражающие специфику диалогического взаимодействия, учёт которых позволит сократить влияние субъективных факторов на аннотирование дискурса такого типа.

¹¹ Подробнее будет проиллюстрировано в докладе.

Представим один из вариантов записи устного диалогического дискурса с фиксацией его временной протяженности.

А		Б		В	
время		время		время	
0,40-1,95 2,04-2,88	Давайте познакомимся <i>сначала</i> . { <i>laugh</i> }	1,36-2,44	<i>Давайте познакомимся.</i>	пауза 3,76 с	
пауза 0,88 с		2,44-3,76	<i>Людмила Ниловна</i> , я Марина.		
незаполненная пауза 0,26 с					
4,02-4,85	А вас как <звут звать>?	пауза 2,01 (0,26) с		4,38-5,06	<i>А я Ольга.</i>
5,29-5,65	Ольга;			пауза 0,71 с	
	звонит телефон	5,77-6,27	<i>Ага.</i>	5,77-6,27	<i>Ага.</i>
6,37-6,95	Хорошо.	пауза 0,72 с		пауза 0,72 с	

Из первых двух реплик А и Б и третьей и четвертой реплики А и В видно, что интенция говорящего может быть считана слушающим раньше, чем первый ожидает реакцию на неё, из-за чего возникают наложения, не позволяющие дискурсу развиваться плавно, в случае если наложение выпадает на ремю одной из реплик, провоцируется ситуация переспроса (*Ольга?*), которая не могла бы быть прояснена при менее подробной записи.

Анализ материала позволяет утверждать, что для адекватного аннотирования диалогического дискурса следует учитывать целый ряд факторов. Во-первых, необходимо отразить продолжительность реплик каждого говорящего, что позволит фиксировать границы наложений с достаточной степенью точности, во-вторых, в силу того что диалогическая речь принципиально отличается от монологической (количество участников, мена ролей и т.д.), необходимо учитывать временную протяженность отсутствия реплик одного из говорящих, что позволит более подробно описать его коммуникативную роль на каждом этапе диалога, а также зафиксировать невербальное поведение каждого участника разговора при отсутствии вербальных реакций. Важны также фиксация пауз как абсолютных (молчание всех собеседников), характеризующих структуру диалога, так и гезитационных, характеризующих речь каждого участника, и выбор способа их графического оформления при аннотировании.

Механизм интерпретации текста с невербальным компонентом носителями обыденного сознания

Чжан Жуньмэй, аспирант, Институт языкознания РАН

Ю.А. Сорокин полагает, что «...для психолингвиста текст – это коммуникант... безразлично «поведение» текста как такого в процессе общения, безразличны те или иные оценки его реципиентами, неразличен «менталитетом» текста и менталитетом реципиентов» [Сорокин, 2008, с. 29-30]. Следовательно, невербальные компоненты в межкультурной коммуникации выступают как текст. И носитель культуры в процессе контакта непрерывно интерпретирует текст неавтохтонной культуры.

Задачей нашего исследования является обоснование гипотезы механизма интерпретации текста с невербальными компонентами с опорой на теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и ситуационную модель Т.А. Ван Дейка [Ван Дейк, 1989].

В 2017г. нами был проведен ассоциативный эксперимент в двух китайских университетах с целью выявления содержания текста носителями обыденного сознания. В качестве испытуемых выступили 200 студентов в возрасте 18-19 лет. В эксперименте демонстрировались шесть видеороликов: после просмотра каждого из них испытуемым предлагалось ответить на вопросы: что происходит на экране и почему участники события поступают таким образом. В целом было получено около 2400 текстов, содержащих ответы на эти вопросы.

Результаты эксперимента показали, что существует три варианта интерпретации текста испытуемыми.

Большинство испытуемых описывают характер деятельности людей на экране (поездку в метро, перемещение по эскалатору и т.п.), ориентируясь на предполагаемые цели их действий (*едут домой, на работу* и т.д.).

Другие информанты, отмечая особенности поведения (*люди на экране соблюдают порядок*), предполагают наличие осознанных целей такого поведения (*для экономии времени, удобства, обеспечивают безопасность* и под.).

Остальные информанты, наблюдая за людьми на экране, обращают внимание на влияющие на поведение человека факторы, такие как образованность, характер, культура, привычки и т.д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Каждый ролик для испытуемых выступает как отражение обыденной жизненной ситуации, и каждый испытуемый интерпретирует ситуацию в соответствии с тем, на какие ее компоненты он обращает основное внимание.

В процессе интерпретации наблюдаемого события испытуемые ориентируются на понимания мотива и цели действий (*едут на работу, для удобства и др.*), что может быть объяснимо с опорой на теорию речевой деятельности.

Перспектив и футурум в английском и испанском языке (на материале параллельного корпуса)

Шарыгина Софья Сергеевна, студент, СПбГУ, Санкт-Петербург

Целью данного исследования являлось выявление особенностей и контекстов употребления граммем перспектива и футурума в английском и испанском языках, обладающих широким ассортиментом средств выражения футуральной и перспективной семантики, в различных функциональных типах речи с последующим межъязыковым сопоставлением.

С точки зрения грамматической семантики и типологии перспектив и футурум принято разграничивать, однако семантическая близость этих граммем приводит к их частой взаимозаменяемости и смешению.

В качестве источника материала для проведения исследования были выбраны и рассмотрены отдельно, как существенно различающиеся стилистически, тексты письменной нормативной (группа А) и устной разговорной (группа В) речи английско-испанского параллельного корпуса, входящего в состав The Czech National Corpus.

В ходе исследования были проанализированы по 200 примеров употреблений футурума в англо- и испаноязычных текстах и их перевода на второй язык, а также по 200 примеров употребления и перевода следующих английских перспективных конструкций:

- *To be going to + Inf*
- *To be about to + Inf*

И испанских перспективных конструкций:

- *Ir a + Inf*
- *Estar por + Inf*
- *Estar a punto de + Inf*

В результате чего были получены статистические данные о частотности различных вариантов перевода каждой рассматриваемой конструкции или формы, пример которых приводится далее:

***to be going to + Inf*: переводные эквиваленты**

	Группа А	Группа В
<i>Ir a + Inf</i>	76% (152)	57,5% (115)
Футурум	13% (26)	37,5% (75)
Презенс	7% (14)	1,5% (3)
<i>Estar a punto de + Inf</i>	-	1% (2)
<i>Estar por + Inf</i>	-	1% (2)
Другое	4% (8)	1,5% (3)
Всего	100% (200)	100% (200)

По итогам исследования был сделан ряд общих наблюдений:

- большое влияние на выбор переводного эквивалента определенной формы оказывает тип речи: письменный нормативный или устный разговорный;
- существует тенденция к более частотному использованию в текстах письменной речи переводных эквивалентов, «параллельных» исходной форме в языке перевода (*to be going to + Inf* и *ir a + Inf*) и т.д.;
- однако говорить о передаче такими формами и конструкциями идентичной семантики нельзя;
- «синонимичные» конструкции одного языка при переводе на другой язык также обнаруживают значительные различия в семантике и/или контекстах употребления.

Установление речевого акта призыва с имплицитным содержанием в текстах «экстремистского» характера

Юдина Анна Александровна, студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

На сегодняшний день одной из актуальных проблем теории и практики производства судебно-лингвистических экспертиз по делам об экстремизме является выявление и квалификация так называемых скрытых призывов, т.е. косвенных побудительных речевых актов, иллюкутивная сила которых выражена имплицитно. В настоящее время отсутствует

единая и общепризнанная методика обнаружения лингвистических признаков речевых актов подобного рода в спорных текстах экстремистской направленности.

Теоретической основой данного исследования является постклассическая теория речевых актов, для которой характерно смещение внимания исследователей именно в сторону изучения некооперативных, речевых актов «неискренней коммуникации» (в том числе речевых актов вербальной агрессии и / или языкового манипулирования). Эта проблематика рассматривается в работах А.Н. Баранова, О.С. Иссерс, К.И. Бринева, М.А. Осадчего и др.

На настоящий момент установлено, что под скрытыми (имплицитными) призывами следует понимать высказывания, содержащие информацию, косвенным образом побуждающую к каким-либо действиям, направленно формирующую у адресата желание действовать или чувство необходимости действий, но при этом императивные формы, перформативные формулы призыва или какие-либо иные маркеры иллокутивной силы призыва отсутствуют.

Предпринятое в работе обобщение теоретических положений, существующей экспертной практики по делам об экстремизме, фактического материала, собранного в результате собственных наблюдений над функционированием в коммуникативной среде Интернета текстов условно «экстремистского» характера, позволило выделить некоторые типовые лингвистические диагностические признаки подобных речевых актов.

К языковым показателям скрытого призыва можно отнести следующие:

- использование косвенных форм выражения иллокутивной силы при помощи конструкций с модальными глаголами и безличными предикативами с семантикой долженствования типа «необходимо», «следует», «требуется», «нужно»: **«Надо полностью порвать с ООН, МВФ, МБ и другими международными оккупационными органами жидократии»;**
- использование конструкций, которые содержат идею побуждения на лексическом уровне, но не имеют соответствующих структурно-грамматических показателей (формально – это речевые акты-репрезентативы, т.е. сообщения): «*требует(ся)*», «*рекомендует(ся)*», «*не позволяет(ся)*», «*за-/воспрещает(ся)*», «*остается (лишь)*», «*хотеть*», «*просить*», «*молить*», «*хватит*»: **«Действительность общества должна быть ограничена приказами и запретами Аллаха, и мусульманам не позволяется изменяться, согласно реальности их времени и места, напротив они должны изменить реальность согласно Книге Аллаха и Сунне Его Посланника, да благословит его Аллах и приветствует»;**
- использование сложноподчиненных конструкций с придаточными цели с союзами *чтобы*, *для того чтобы*, *с тем чтобы* и т.д.: «*Аллах даст нам достаточно силы и ума, чтобы полностью уничтожить наших врагов*»;
- использование конструкций в форме риторического вопроса или риторического восклицания: «*Почему нападают на тех из нас, кто использует относительно маленькое количество насилия, чтобы избавлять этот мир от социальных болезней, **вместо того, чтобы атаковать покровителей защиты прав потребителей (и даже вас самих), тех кто используют неизмеримые количества насилия только для того, чтобы поддерживать ваши жизни в этом вызывающем отвращение обществе?***».

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы для уточнения существующих методических рекомендаций по обнаружению признаков скрытых призывов в лингвистической экспертизе по делам об экстремизме.